

Вячеслав **Энсон**

Гра

роман-триллер

беззакония

Вячеслав Янович Энсон

Эра беззакония

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376369

Эра беззакония. Роман-триллер.: Алгоритм; Москва; 2010

ISBN 978-5-9265-0735-2

Аннотация

Как преуспеть в нашем мире, где успех определяется готовностью попить Закон? Подполковник Калмычков ответ знает. «Переиграть судьбу!» – его кредо. Ум, хватка, удача ведут его через козни врагов, подлость системы и непонимание семьи. Он расследует странное самоубийство, запустившее цепь суицидов по стране. Участвует в операции клана «старых генералов», касается тайн власти, едва не погибает в схватке с тайной организацией... Наконец, пробивается в центральный аппарат МВД. Казалось, мечты сбылись. Но у жизни свои законы. Победа на карьерном фронте теряет смысл, когда рушится семья, пропадает дочь. А на банкете у нового шефа судьба предъявляет к оплате свой беспощадный счет.

Содержание

Пролог	4
День Большого футбола	30
«Виват, Футбол! Виват...»	56
«Прощай, оружие?..»	65
Товарно-денежные отношения	80
«Где планируете умирать?..»	84
Детство, отрочество, семья	108
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Вячеслав Янович Энсон

Эра беззакония

*Все события и персонажи вымышлены,
совпадения с реальными людьми, организациями и
ситуациями случайны.*

Пролог

На Стрелке Васильевского острова, у самой воды стоит человек. Один на пустынной набережной. Ветер треплет его матерчатую куртку, рвет нестриженные пряди волос. Налетает, порыв за порывом, хочет сдуть человека с мостовой, закрутить, поднять и унести над крышами за далекий морской горизонт.

Но человек стоит. Чуть клонится вперед и рассматривает что-то спрятанное в ладонях. Джинсы облепили худые ноги, полощут излишком синей ткани. Велики ему джинсы, размера на два переросли своего владельца. И куртка велика. Но не с чужого плеча вещи, добротные и дорогие: значок «Хил-фигер» на рукаве, джинса – крепкая как рогожа, а кроссовкам не будет сносу лет пять.

Мужчина худ, высок и неухожен. Скорее моложав, чем молод. В спине, развороте плеч и непокорной посадке го-

ловы, сквозит обретенная когда-то выправка. А равнодушие к потугам ветра намекает на род занятий. Моряк, военный или что-то в этом роде. Уверенный в себе мужик. Смущает легкий налет бездомности. Сторонний наблюдатель, случись такой на пустынной набережной, не обманулся бы наружной бомжеватостью: «Нормальный человек, из этих, как их там, «порядочных». Которые сдохнут, а не украдут. Не вымер, стало быть, их обреченный вид. Давненько не встречались...» Еще тот наблюдатель оценил бы простоту лица, незлобный взгляд и ощущение готовности к чему-то. К чему-то важному, большому и непонятному, такому, чего наблюдатель в жизни не встречал, а этот человек, напротив, навидался всякого и натерпелся, и устал, а все еще не угомонился, как другие. «Занятный мужичок, – решил бы наблюдатель, – непростой. За парой рюмок рассказал бы многое... А надо оно мне?» И отвалил бы наблюдатель поскорее, оставив незнакомца за его делами.

Стоит человек на ветру один-одинешенек. Держит в пальцах помятую фотографию. Она почти потеряла цвет, истерлась и обтрепалась. Но человека не беспокоит качество. Он смотрит на снимок и видит под сеткой трещин то, что память сберегла надежней бумаги. Ветер силится сорвать с него куртку. Мужчина не пытается ее застегнуть. Крепче сжимает в пальцах драгоценный снимок. Смотрит задумчиво на клочок своей прошлой жизни.

Он неудачно выбрал место для созерцания. На Стрелке

не разглядывают фотографии. Здесь впитывают Петербург. А он – не впитывает. Не ощущает мощи колонн за спиной. Не ловит запах истории. У ног его поплескивает волна, чудный вид открывается слева и справа: мосты, бастионы, Нева. Дворцы и набережные в золоте октябрьского заката.

Мужчина не видит царщей вокруг красоты. Уперся в бу-мажку взглядом, шевелит иногда губами, словно рассказывает что-то запечатленным на снимке людям. Вселенная свернулась до формата десять на пятнадцать, и время перестало быть. Брызги шлепают на гранит, подбираются к кроссовкам мужчины ближе и ближе. Он брызг не чувствует, он там – внутри, за плоскостью другой жизни.

На снимке трое: он, жена и сын-десятиклассник. Дружья удачно шелкнули в Новый год, а к весне принесли фотографию. На обороте надпись: «Консервы счастья». Смешно и точно. Он обнял жену и втиснувшегося между ними парня, а пленка бесстрастно зафиксировала счастье. Простое и тихое. Трех человек, живущих как один. «Не понимал! – корит себя мужчина. – Чего-то ждал, куда-то рвался. Не понимал...» Качает сокрушенно головой: «От глупости и потерял. Едва успел попрощаться».

С той ночи, когда он торопливо обнял родных, прошло уже пять недель. Такси умчало их в темноту, а из него будто сердце вынули. «Мне ничего не надо, кроме них. Найти, обнять и больше не отпускать», – единственное его желание на настоящий момент. Другого в опустевшей душе нет.

В наш умный век любовь к семье перешла в разряд пережитков – прогресс. Мужчина не поспел за ним, увяз в тряси-не привычек. Тоска по жене и сыну проснулась в нем, как застарелая болезнь, привет из прошлого. Он думал, что переболел, излечился и даже вспоминать перестал про эту заразу. А подхватил он ее давно, в восьмидесятых, во время службы на подводном флоте. На выбор были язва, геморрой и лучевая болезнь, но добрая судьба расщедрилась и одарила его лишь, синдромом постоянного стремления домой. Встречается такой у обреченных на разлуку.

Двенадцать лет он прослужил на флоте, двенадцать лучших лет просидел в «железе». Галерный раб и крепостной крестьянин – всецело подчинялся кораблю. Принадлежал ему душой и телом. Корабль мог сохранить жизнь, мог подвести под смерть. Со смертью повезло, не подкачал РПК СН¹, а вот разлуками напичкал досыта. Он не терпел отсутствия экипажа на борту и, отрывая от семей, таскал здоровых молодых мужчин по автономкам, стрельбам, выходам и бесконечным сдачам боевых задач. Плевал он на любовь, на жен, детей и на телячьи нежности. Лелеять требовал свои ракеты и холить, как жену, расписанную в заведовании мат-часть. У пирса не ржавел, растил дивизии коэффициент боевого использования. Хромой, кривой, неисправный, с текущим парогенератором левого борта, ковылял по морям и океанам. Из-подо льдов не выползал месяцами. Допрыгался,

¹ РПК СН – ракетный подводный крейсер стратегического назначения.

растратил ресурс и раньше срока стал грудой металлолома. Упокой, Господи, невинную душу К-180.

Но человек выносливее железа – оканчивались автономки, вопреки всем продлениям штабов. На семьдесят восьмые ли, на девяностые сутки, со скоростью черепахи приближался день всплытия. Истаивали часы, по капле капали бесконечно длинные минуты. Время становилось орудием пытки.

Но миг запредельного счастья все-таки наступал: «По местам стоять! К всплытию...» И – воздух!.. Солнце!.. Швартовка и сход. Ни с чем не сравнимая встреча!

«Есть что-то лучше?» Мужчина многое повидал: хватил побед, наград, удовольствий. Все поимел, что хотел. Все купил, на что заработал. Видел мир и людей. Но дороже семьи ничего не нашел. Жена и сын. Остальное – иллюзии, прах. Счастлив был и не знал об этом. Каких-то пять недель назад.

Понял он, когда потерял, когда снова разлилась в душе позабытая мука разлуки. Будто снова он под водой, но надежды на всплытие нет. Только страх и гнетущая неизвестность. Как последний парад – ситуация предкатастрофы. Заклинка БКГР². Есть такой страшный сон у подводников. Рули не перекладываются на всплытие, лодка теряет управление, безудержно падает в бездну. Метр за метром растет глубина... И продули балласт, и врубили турбины на реверс. Бесполезно! Не выравнивается дифферент, плавучесть – ниже ноля, стальное тело скользит в беспощадную тьму. Глубина при-

² БКГР – большие кормовые горизонтальные рули.

ближается к предельной. Еще пара минут, и забортым давлением раздавит корпус как яичную скорлупу. Минута прошла, другая... «Предельная глубина!» Лодка медленно валится глубже, и никто уже не возьмется сказать, сколько ее осталось, той жизни.

Вот в какой ситуации оказался мужчина – перешел за предел. Что бы сделал в такой ситуации гражданский простой человек? Что угодно – вариантов тьма. Может, даже достойно решился бы встретить конец. А подводник до ужаса предсказуем: последним движением души достает фотографию семьи и глядит на нее на прощание. Как вот этот мужчина на Стрелке Васильевского острова – глядит на самое дорогое, что ему подарила жизнь и готовится унести его на ту сторону.

Край настал для человека с набережной, переход через отметку «предел». Он старается сверх своих сил оттянуть миг развязки, но смертельно устал. Сам себя не всегда узнает в отражении витрин. И на снимке – другой человек.

Исхудало лицо. Спали сытые щеки, покрылись щетиной. Воспалились бессонницей веки, и глаза утонули в колодцах подглазников. Съежился и похудел. Мало сходства с цветущим счастливецом на фотографии. Изнемог. Истощение сил – такова его степень усталости. Край.

Больше месяца он в бегах. За спиной города, километры, беспокойные дни, одинокие ночи. Прячется и бежит. Вчера еще – успешный, счастливый, самодовольный. Гордый тем,

что опять победил, что не лег под систему, устоял и сумел кое-что заработать. Без обмана и воровства, разве что с «оптимизацией налогообложения». В извращенном укладе, где мошенничество – закон, но безумны и обречены на провал попытки работать честно. Где хорошие деньги, почти всегда, плата за преступление.

Радовался, работал, жил. А недавно попал вдруг под пресс. Неожиданно и на ровном месте. Для него не нашлось бы статьи в Уголовном кодексе. Ничего не украл и нигде не смошенничал. Не присасывался к бюджету, не щипал от него в свой карман. Не продавал паленой водки, поддельных продуктов и фальшивых лекарств. Не «откатывал» и не «пил»». Не брал взятки, не распространял наркотики. Не судил людей по сфабрикованным обвинениям, не отбирал их квартир, машин и предприятий. Не грабил, не убивал, не насиловал. Не продавал страну и не нарушил присягу. Старался не лгать друзьям, не изменять жене... Чудак, одним словом, за временем не поспел. Статьи за чудачество нет. Но он вдруг с чего-то захотел, чтобы все перечисленное выше перестали делать свободные граждане демократической страны. Чтобы взяли – и прекратили собственное самоубийство. Чудак!

Вот и прячется, вот и бежит. Неделью назад еле вырвался из-под пуль преследователей. Настигли на Обводном, 46, на чердаке заброшенного дома. Вычислили, выследили и ночью пришли. Отбилсч чудом и убежал.

А началось все месяц назад, в родном городишке. Его

прессанули, менты и бандиты. Или менты, прикинувшиеся бандитами. Какая разница? Одни в форме, другие – без. Задачи у них одинаковые: чужое сделать своим. С него денег не требовали, побили, поморили голодом, готовились кому-то передать. Он изловчился, вырвался и сбежал. Спрятался в Питере у Яши Келдыша, знакомого по Интернету. Прятался у него дома, пока не почуял хвост. Выследили. На чердак перебрались оба, Яша на этом настоял. Через неделю их нашли, убили Яшу. Теперь охотятся за ним.

Жену и сына он спрятал за день до собственного похищения. Грамотно спрятал, надежно и далеко. «Впрочем, что для кого – далеко? Понять бы, кто гонит? – ломает он голову. – За что и зачем?» Ответа не знает. Догадывается, и Яша объяснял, но страшно верить Яшиным словам. Поэтому бежит, тянет время, уводит погоню от своих.

Он чувствует погоню. Не шкурой, не слухом, а некой струной, натянувшейся в подсознании: «Вцепились! По следу идут. Не успокоятся, пока не возьмут... – понимает он. – Надо менять берлогу и вырываться из города. На Достоевского ночью последний раз». Он уже сделал приготовления. Час назад отвез в новое место вещи. Недалеко, на Петроградскую, к бомжам. Спрятал деньги, одежду и документы. Оставил только пистолет и фотографию. Пистолет он отбил на чердаке у одного из нападавших и решил не выбрасывать. «А с фотографией придется прощаться. Труп, если что, должен быть неопознаваемым. Фотография – ниточка, ее надо рвать!»

Так он и сделал: поднес фотографию к губам, дважды легко прикоснулся, потом порвал снимок на мелкие клочки и пустил их по ветру. Глаза, наконец, обратили внимание на окружающий мир, и он заметил, как быстро изменилось пространство вокруг. Ясный день, заманивший его на Стрелку, давно сменил настроение. Спрятал солнце под серым маревом, заскучал. Потускневшее небо провисло до самых крыш, почернело, набухло тучами. Будто разом, со всех сторон, задернулись плотные шторы. Сумерки накрыли город. Зажглись кое-где фонари, подчиняясь наступившему раньше срока вечеру. «Пора в берлогу», – решил мужчина, бросил взгляд на клочки фотографии в волнах и зашагал к проспекту ловить такси.

Машины стекали с Дворцового моста светящимся потоком. Он плохо понимал схему местного движения и, очень приблизительно ориентировался в расстояниях. «Таксист разберется...» – мужчина ступил на проезжую часть. Поднял руку навстречу летящим машинам. Из потока вынырнул «жигуленок», вильнул вправо, запищал тормозами у самых его ног. Водитель распахнул пассажирскую дверь, уставился с вопросом.

– Сколько будет до улицы Достоевского? – спросил у него мужчина.

– Сотни три, – улыбнулся приветливо таксист. Обрадовался «приличному» пассажиру и лихо накинул почти половину к тарифу.

Пока разворачивались и пробивались сквозь центр, бомбила матерился и психовал. Тормозил, подрезал, лавировал. Клиента не замечал. Но только вывернули на улицу Достоевского, принялся разводить его на дополнительный полтинник. Загнул про пережог бензина, пробки и ночные цены.

– Какие ночные в шестом часу вечера? – не понял клиент. Волна возмущения чуть не выплеснулась потоком обидных слов. Но сдержался, смолчал. Кинул скомканную купюру на консоль и вышел. Таксист на это и рассчитывал: «С кого же брать, как не с «приличных»?»

Мужчине не жалко денег, но дорого обошлись секунды, потраченные на «всплеск». Отвлекаясь, не отследил обстановку. Должен был вглядываться в прохожих, в машины, припаркованные у названного для остановки дома. А он – бурлил эмоциями ради полтинника. И поплатился – выследили. На ближних подступах к берлоге.

Первого он увидел сразу. Захлопнул дверь такси, и в обернувшемся на стук мужчине узнал того, с чердака. Рыжее безбровое лицо, бычья шея. Черная куртка с красным шевроном. Стоит у киоска, не дальше тридцати метров. Увидел жертву и напрягся перед броском.

Мужчина похолодел: «Попался...» Рука потянулась к дверце машины, но нащупала пустоту, таксист уже ударил по газам.

А рыжий застыл, словно сеттер в стойке. Застыл и мужчина. Не знал, что сделать. Кровь закипела от хлынувшего в нее

адреналина. «Бежать! Бежать!» – застучала в висках. «Куда бежать? Где прячутся остальные?..» Он начал медленно отступать к стене. Подальше от рыжего и припаркованных машин, ближе к арке, чернеющей между домами. Время стало тягучим и вязким, словно кадры замедленной киносъемки.

Рыжий что-то пробормотал в воротник. Открылись все двери джипа, стоящего чуть впереди по ходу движения. На тротуар потянулись ноги. Мужчина не стал разглядывать их обладателей. Подошвы еще не коснулись асфальта, а он уже юркнул в темную подворотню, в глухой колодец двора. Пулей подлетел к крыльцу ближайшего подъезда, рванул дверь и очутился в полутьме парадного. Взмыл на четыре ступеньки вверх, пересек площадку, ступеньки вниз – одолел прыжком. Поворот направо. За шахтой лифта притаился вход в подвал. Выход – через соседний подъезд. Он разведаль пути отступления во всех близлежащих домах. Чердак кой-чему научил!

Шаги с улицы приближались. Взвизгнула дверь.

Мужчина нырнул в подвальную тьму. Понесся к лестнице, выводящей во второй подъезд. Угадал ее в темноте. Занес над ступенькой ногу... «Почему не слышно? – остановила его мысль. – Побежали наверх? Глупо...» Замер, не завершив шаг, отступил. Затаил дыхание и прислушался. Характерный щелчок раздался по ту сторону подвальной двери второго подъезда. Следом еще один. Звук передергиваемых затворов. Кто-то ждет его за хлипкой дверью!..

Ладони вспотели, и горло передавил спазм. «Ловушка! Знают про пистолет, не лезут под пули». Он медленно, пытаясь, отошел от лестницы. Снял пистолет с предохранителя, но щелкнуть затвором поостерегся. «Захлопнули мышеловку! Другого выхода нет».

Секунды убегают с каждым ударом сердца. Тук-тук... Откроются двери и...

Он вжался спиной в стену, готовый драться и умереть, глазами буравил подвальную тьму. Боялся проглядеть входящих. «Если ранят – не смогу застрелиться...» Взгляд случайно метнулся в сторону. Сквозь тьму почудилась дырка в стене, в дальнем углу. Или пятно? Кинулся в угол.

Стена разделила подвал надвое, поперек. На уровне груди – дыра в два кирпича шириной. Сквозь нее пропущены толстые трубы. Свободного места мало, но голова, похоже, пройдет. Мужчина ожил, сунул пистолет за пояс, обвил трубу руками и ногами. Обдало пылью. Он подтянулся и протолкнул туловище в дыру. Еще рывок – перевалился по ту сторону.

Кромешная тьма, вместо глаз – руки. Узкое помещение. Сыро и душно. Смачно шлепают об пол тяжелые капли. Трубы, попавшие под руку, горячи, но не настолько, чтобы обжечь. Некоторые – прохладные. «Тепловой узел... – понял он. – Подача и обратка». Ощупал другую стену. Наткнулся на обитую жестью дверь. Толкнул ее. Не поддалась, закрыта на замок и плотно висит на петлях. Уперся в дверь спиной,

ногами в трубы... «Тупик. Отстреливаться через лаз? – мучительно искал и не находил решения. Месяц назад был нормальным человеком. С нормальным мыслительным процессом. Неторопливо взвешивал «за» и «против». Теперь мозг работает как компьютер. С огромной скоростью и без участия воли. Сам себе задает вопросы, и тут же на них отвечает. Жить хочет, зараза».

«В тепловом узле должен быть свет!...» – мелькнуло в голове. Пошарил вокруг двери. Левая рука наткнулась на выключатель. «Отлично! Могли присобачить снаружи». Включил на секунду свет. Включил и выключил. Лампочка выхватила из темноты сплетение труб. Они вползали в дыру, через которую он пролез, ветвились на отводы с арматурой и уходили в противоположную стену, наглухо замурованную.

«Разводка по дому, – понял он смысл переплетений. – Где же ввод с улицы?» Отчаянно искал решение: «Вырваться!.. Просочиться... Должен быть ввод!» Еще раз щелкнул выключателем, нагнулся и разглядел на уровне пола две толстенные трубы, уходящие под фундамент. Между ними и полом – немного пустого пространства. Совсем чуть-чуть. «Была не была!...» Выключил свет, лег спиной на пол. И тут же расслышал, как скрипнула подвальная дверь. Потом другая.

Преследователи решились войти в подвал.

– Солонцов, сдавайся! – крикнул кто-то. – Брось пистолет и подними руки!

Страх сковал сознание. Он лежал на сыром полу, не владея телом. Терял секунды и шансы. И только новая волна адреналина вернула его к жизни. Вцепился руками в трубы, втянул себя в тесную шахту – бетонный короб теплотрассы. В горячую тьму и неизвестность. Еще и еще... «Вперед, вперед!» Метра три прополз на азарте, пока не устали руки.

Люди в подвале осмелели. Включили фонарик. Его отблеск, в проеме лаза – последнее, что он видел, перед тем как втащил себя под землю. Голоса слышал дольше, но слов не разобрал. Затих, затаился. Старался не дышать. И вдруг!.. Чуть не вскрикнул от чужого прикосновения. По плечам, животу и ногам, пробежали когтистые лапки. «Крыса!..» Вторая шмыгнула у лица. Хвост стеганул по губам и по носу. Омерзение!.. И новый страх: «Живого сожрут! Сбегают за подмогой и примутся с двух сторон...»

Донесся звук. Глухой и далекий. На стенках короба мелькнул слабым бликом отраженный свет. Кто-то шарил фонариком по углам теплового узла.

– Пусто... – расслышал он. – Сбита пыль... Бомжи ночевали, бутылки валяются... Ух ты! Крысяра жирная, сидит, на меня пялится... Надо было чердак блокировать, он чердаки любит...

Человек убрал голову из лаза, и больше слов разобрать не удалось. Бу-бу-бу... Потом стихло. «Ушли...»

Дикая слабость охватила его. Будто гонят неделю, а не каких-то пять минут. Он немного выждал и позволил себе

откашляться. «Проклятая стекловата!» Шевелиться не осталось сил. Лежал бы да лежал. Но жаркая труба нагрела воздух в коробе до собственной температуры. «Градусов сорок-пятьдесят, – определил он. – Осень теплая, топят слабо...»

Пот пропитал одежду, смешался с пылью и стекловатой. Глаз не открыть. И с руками – беда: горят ладони, словно остались без кожи. Нечем вцепиться в трубу, подтянуться и проползти спиной по бетону очередные сантиметры.

«Надо!» – заставил себя продвинуться еще на метр. Внезапно обозначилось затруднение. Изменилось положение труб – в узком пространстве короба они проходили сначала под потолком, а теперь устремились вниз. Застряла голова, заклинилась между трубой и полом.

Он ощупал пространство вокруг. Высота короба – сантиметров пятьдесят. Ширина – чуть больше. Почти половину высоты съедают трубы в клочьях теплоизоляции. «Под трубами не проползти. А сбоку?» Перевернулся на бок. Получилось. Стряхнул с лица пыль, протер глаза. Открыл их и ничего не увидел. Совсем ничего. Коснулся пальцем лица, ощутил прикосновение, но пальца не разглядел. Тьма абсолютная! «Могила...»

Бочком-бочком, прополз несколько сантиметров. Тесно, обрывки стекловаты перекрывают путь. Занес на трубу ногу, потом руку... «Горячо, а что делать?» Заполз на трубы туловищем, немного продвинулся вперед. Нога зацепилась за

что-то колючее, наверно, проволоку теплоизоляции. Джинса попала на острую скрутку, как щука на крючок. Не рвется и не отпускает. Подергал ногой, пытаюсь освободиться. «Куда там! Тесно в бетонном гробу. Зажат между трубами и толком. Гамбургер-чизбургер в булочке с кунжутом...» Занервничал, потянул вперед. Только усугубил зацеп. «А если назад? Дотянусь рукой и оторву проволоку», – прикинул он. Подал назад – не дотянулся. Только одежду собрал под шей. Задрались куртка и рубашка. «Еще назад! Немного...» – поднатужился он. Не дотянулся. А куртка скаталась в жгут, кольцом обхватила грудь, запрессовала его в коробе. Он этого не заметил. Дернулся изо всех сил назад, окончательно заклинил себя одеждой. В кожу впились острые жала стекловаты. Голый живот, спина, бока и руки, запылали огнем, против которого труба показалась холодной.

Он застонал от боли. Грешник на раскаленной сковороде! В котле кипящего масла. «Проклятая стекловата!» Задергался, засучил руками-ногами, пытаюсь сдвинуться хоть на миллиметр. Напрасно, засел, как пыж в патроне. Намертво!

Странный холод родился внутри раскаленного тела. Смертный страх... От солнечного сплетения, во все стороны, покатались волны ледящего ужаса. «Застрял! Намертво...» Мозг выдал картину ближайшего будущего: «Сварюсь! Вкрутую, минут за двадцать...» Паника расплзлась по закоулкам сознания, заполнила, затопила его и в считанные секунды напрочь выключила. Этим и спасла.

Нечеловечески взвыл, подчинясь первобытному инстинкту. «Жи-и-ть!..» Заскреб ногтями по бетону. Уперся свободной ногой в потолок короба. Напрягся и выдернул себя из затора. Как змея из прошлогодней кожи. Затрещала куртка, порвалась. Пистолет впечатался в живот, как в специально выдолбленный ложемент. С джинсами и кроссовками пришлось распрощаться.

Мужчина вырвался из плена и затих обессиленный. Когда отдышался после страшного напряжения, переложил в карман рубашки ключи, найденные в обрывках куртки, пистолет зажал в зубах и пополз дальше. Трубы постепенно прижались к боковой стенке короба. Освободилось место. Он помещался теперь в коробе не только лежа на боку, но и перевернувшись на живот.

«Что дальше? – задумался он. – Вперед или назад? В подвал дома, окруженного загонщиками? Вряд ли они ушли. Умные. Лихо вычислили его по банкомату. За три часа... Дурак! Идиот! Лошара... – крыл он себя за глупость. – Нельзя дважды пользоваться одним банкоматом. Знал же! Расслабился, понадеялся на «авось». Думал, этот счет им неизвестен... Нельзя назад. Ребята побегают по дворам и вернутся в подвал. Остается – вперед. Что там? Неясно... Выход в соседний дом? В колодец? Или тупик? Засыпало, допустим... Крысы прошли, – вспомнил он. – Надо рискнуть, чем черт не шутит. Без куртки, в случае чего, попячусь назад, не застряну...»

Пополз вперед. Обдирая локти и колени, стараясь не замечать облепившей тело стекловаты. Жжет нестерпимо, но человек ко всему привыкает. Скотина с возможностями. «Только бы просвет между стенкой короба и трубами не сужался!»

Ему повезло. Колени не успели протереться до костей, когда он дополз до колодца. Поднялся по скользким ступеням и уткнулся головой в люк. Всего сантиметр чугуна до свободы. Сердце радостно забилося: «Прорвался! Не пропал!..» Уперся головой и руками в люк, натужился. Люк не шелонулся. «Приварен? – испугался он. – Или придавлен колесом машины». Прислушался... Наверху тихо. Не похоже на проезжую часть. О том, что снаружи поджидают преследователи, старался не думать. «Поднять бы тяжелую крышку!..»

Переставил ноги на ступеньку выше. Уперся спиной в скользкую стену колодца. Руки выставил не по центру, а с одного края чугунного кругляша. Вдохнул глубоко... «И-и-и, р-раз!» Край люка приподнялся. Подтолкнул его вперед и увел с обечайки. Над головой проступил тонкий серпик неба. Собрался с силами и сдвинул крышку люка еще немного. Высунул голову, огляделся. Непривычно темно для этого раннего часа. Почти ночь.

Теплотрасса вывела его в незнакомый двор. Темный, заставленный мусорными контейнерами и машинами. Перед лицом – колесо автофургона. Закрывает обзор. «Полметра вправо – и фиг бы я открыл крышку. Везунчик...» Он вы-

брался из колодца. Заполз под фургон. Ногой задвинул чугунный блин на место. Мерзкий скрежет спугнул кота из мусорного бака. «Не дай Бог, ребята услышат...» Но двор словно вымер. Он полежал немного, сообразил, в какой стороне находится дом номер четыре. Вылез из-под фургона и начал пробираться в свой двор. «Не напороться бы на людей. Увидят, запомнят, расскажут: грязный, оборванный человек, пропитанный пылью и ржавчиной. Без штанов. Бомжи выглядят лучше». А преследователи чешут дворы. Именно такого и разыскивают. Ждали его у банкомата, значит, не знают адрес берлоги. Но понимают, что залег он здесь, в этих домах. «Дернуть бы сейчас на другой конец города!.. – подумал он. – Только куда дернешь, в таком-то виде...»

Прополз три двора, маскируясь по темным углам. Добрался до дома номер четыре. Никого не встретил, не напугал. Прошмыгнул в подъезд и с опаской поднялся по лестнице. «Засады нет!..» Стараясь не шуметь, открыл дверь коммунальной квартиры. В ней, из бывших восьми комнат, только две жилые. В остальных – хлам, плесень и запустение. На цыпочках прошел по длинному коридору. Хозяева-старички, пустившие его в квартиранты, не слышали шагов и не выглянули полюбопытствовать.

В комнате снял грязную одежду, запихал в пакет. Сунул пистолет под подушку. Открыл упаковки с новыми трусами и носками, прихватил полотенце и, уже не таясь, прошлепал в душ. Это омерзительное место он избегал, но сегодня

черный санузел коммуналки показался ему римской термой. Пробуя рукой еле теплую воду, ощутил с ней родственную связь. «Она там текла, и я полз рядом. Хорошо, что не горячая, разбавлять не надо». Высморгаться от души и откашляться до боли в горле. Потом принялся за дико саднящее тело. Мылся и думал о том, что делать дальше.

«Бежать?.. Он бежит уже месяц. Дважды почти поймали. Сегодня и на чердаке. Бог любит троицу?.. Он очень устал. Утратил способность спать. Почти не ест. Скоро не сможет думать. Вон, как лопухнулся с карточкой. И с таксистом... Охотники это знают. На это рассчитывают. Гонят как зверя, пока не выбьется из сил, не ошалеет от страха. Рано или поздно возьмут. В прошлый раз вычислили номер мобильника. Выследили. Тогда он отбилсЯ и ушел. Вдогонку главный запугивал его по телефону. Или время тянул, помогая засечь место? Кто они? Не менты и не бандиты. Мощный информационный ресурс. И доступ к базам. Менты неделями выбивают распечатки, а эти за час подоспели к банкомату. ФСники? А почему в родном городе его похищали бандиты? Не вяжется.

Гонят профессионалы. Гонят, чтобы убить. Как убили Яшу на чердаке. А перед смертью будут пытаться, выбивать адрес места, куда он спрятал своих. И где материалы. Пи-сьюльки он отдаст, не жалко. Но Яша сказал, что на этой стадии зачищают всех: объект, окружение, связи. Значит, будут пытаться. Он не выдержит – низкий болевой порог. Рас-

колется, они найдут и убьют жену с сыном. Главный так и сказал: «Под корень! Всех, кто что-нибудь знает...» Пугал, расшатывал психику? Скорее всего. Ход событий не оставляет надежды на пощаду. Договориться с ним уже пытались. Трижды. Он не понял глубины проблемы и обрек всех на смерть. Ради чего?.. Нормальные люди называют это глупостью. Только Яша твердил: «Кто-то должен! Или все мы – скоты?» Где теперь Яша?..»

Он закрыл воду, вытерся и оделся в чистое. «Бежать, – подытожил, – долго и далеко. Сколько хватит сил. Увести от родных. А там, как судьба. Повезет – увидимся и проживем, как прежде. Всего-то надо: остаться в живых и их вытащить... Какой дурак! – злился он на себя. – Пять недель назад были вместе. Жили бы спокойно и дальше... Так – нет, проснулся проклятый червяк! Зудит: «Раз написал – печатай! Может, для этого ты и родился...» Сидит в душе и соблазняет. Всю жизнь под монастырь подводит. Адама с Евой хоть змей соблазнял, а меня червячок яблочный. По мелкоте души. Сколько подлостей через него сделал, сколько глупостей... Но ничего, прорвусь!»

Вернулся в комнату. Стресс смылся вместе с грязью, потом и стекловатой. Тело устало, но погоня закачала в кровь адреналин, и чувствовал он себя бодро. Даже проснулся аппетит. Хотел сходить к старикам, порыться в холодильнике, но слабый шум за окном вмиг отбил мысли о еде.

С улицы донесся звук мотора. Под арку вползла машина.

Он бросился к выключателю, погасил свет, выглянул из-за занавески.

Темный двор освещен только фарами. Из машины вышел человек. Встал посреди двора и, задрав голову, заскользил взглядом по окнам. «Что он высматривает? Дом почти нежилой...» Снова страх сдавил сердце. Пригляделся, узнал и этого. Одежда другая и видел его мельком. «Этот» на чердак не ходил, стоял на стреме. Столкнулись внизу, когда убегал. «Этот» почти схватил его, но поскользнулся в бомжатском ссанье и выпустил.

Он видел, как мужчина жестом подозвал ковылявшую через двор старушку. Подвел ее к машине и в свете фар показал что-то. «Мою фотографию». Старушка отрицательно замотала головой и пошла себе дальше. Мужчина постоял немного, сел в машину, и она выкатилась со двора.

«Обложили!» – бессильно опустил на кровать. Прилег в навалившемся изнеможении. «Поквартирный обход готовят. Прощают район за сегодняшний вечер. Шанс проскочить, конечно, есть. Переоденусь и дворами, дворами... – просчитывал он варианты. – Но есть шанс и влипнуть. А попадаться нельзя. Выпотрошат и доберутся до них. До тех, за кого я умру, но... Стоп!.. Умру? Интересно... Умру... Значит, пора умереть...» – понял он. Такой вариант предусмотрен, технически подготовлен и выполним. Очень легко выполним. Умирать, правда, не хочется. «В сорок лет жизнь только начинается...» Разум воспротивился собственному решению.

Он встал, сунул пистолет под свитер. Вышел на лестничную клетку и посмотрел в разбитое окно. Пустынная улица хорошо освещена. У каждого дома стоит по человеку. «Случайные прохожие? Ждут кого-то в безлюдном квартале...»

Поднялся на чердак. Вылез на крышу. Прячась за трубами, обозрел окрестности. Разглядел дворы, увидел, как обходит подъезды шестнадцатого дома группка людей. Трое-четверо... Это тот дом, у которого он остановил такси. Увидел перекрытые автомобилями въезды. Мелькнули на миг огоньки сигарет и выдали двух наблюдателей на крышах соседних домов.

В смятении вернулся в квартиру. Возможность вырваться отсечена. Взялись за него серьезно. Человек пятнадцать прочесывают квартал. «Все-таки, умирать?..» – повис в пустоте вопрос. Он не стал на него отвечать. Стянул жаркий свитер, швырнул на пол. Плюхнулся на кровать. Все уже понял, но в этом деле мало понять. Нечеловечески трудно согласиться. Флот и здесь не подвел. Двенадцать долгих лет флот растил в нем готовность умереть в любую минуту. Военный тем от прочих людей и отличен: спит ли, ест ли, играет дома с детьми, а придет приказ, и прямая его обязанность – встать, проститься и уйти умереть, постаравшись как можно дороже продать свою жизнь. Единственное его право. А сопли, вопросы и обсуждения здесь ни к чему... Все ясно. Только не ожидал, что приказ отдавать, ему тоже предстоит «собственноручно». Мысли остановил, успокоил дыхание, и ровным,

спокойным голосом сказал себе: «Умри!»

Холодно сделалось внутри. Пусто. Съежилась душа, будто уже отлетела. Страха нет, только холод. «Боже ты мой!» Он лежал на кровати, не имея сил сделать то, что задумал. Долго лежал, минут восемь. По нынешним меркам – расточительно много. Ни о чем конкретном не думал. Все давно передумано, просчитано, приготовлено... Погоня превратила его в отчаянного реалиста, очистила от глупых надежд. «Помощи ждать не от кого. Чуда не произошло. Все, как предсказывал их главный. И финиш будет... По их сценарию, который можно сломать одним только способом... – думал он почти без отчаяния. – Надо! Без меня не найдут...»

Он заставил себя подняться. Встал на ватные ноги, включил свет. Достал из тумбочки коробку. Цифровая камера, куплена неделю назад. «Запечатлите яркие события вашей жизни» – призывно щерится девушка с рекламного постера. Вставил аккумулятор. Вытащил из-под кровати штатив. «Простите, милые мои...» Горло перехватил спазм, но он не заплакал. Не потому, что мужики в его возрасте не плачут. Бывает, плачут, когда прижмет... Но в той необъятной пустоте, ужас которой он ощутил, нет уже места слезам. Там ничему нет места. И «места» там нет.

Он представлял «план номер два». В подробностях. Как запасной и радикальный. Как свой последний козырь. Не верил, что придется его исполнять, на что-то надеялся. «Опять на «авось»? Доавоськался...» Представлял ясно боль, страх.

Особенно страх. Потому что труслив и малодушен. Месяц назад был нормальным человеком, даже думать про такое не мог. Теперь все по-другому – знает про пустоту. Про бездну, которая открылась, уже позвала и пропитала собой его мысли и чувства. Открылась потому, что он не испугался. Решился. Шагнул. Даже убил человека. И прежним теперь не станет. А нынешним быть – нельзя. Пора ставить точку.

«Сходить к старикам. Не спят, телевизор работает, смотрят очередной сериал. У всех теперь сериалы вместо жизни. Жаль беспокоить, но попрощаться надо – входит в план». Он пошел в соседнюю комнату. «Действительно, сериал...» Сказал старикам: «Прощайте!» Бабка махнула рукой: «Пока, пока...» Дед шикнул на нее, и оба прильнули к экрану, боясь пропустить что-то важное. Закрыв осторожно дверь.

В своей комнате посмотрел на часы. Восемнадцать двадцать шесть, пятнадцатое октября 2005 года. «Поезд дальше не идет. Конечная...» Из тайника за плинтусом достал новый мобильник. Еще ни разу не звонил с него. Держал на экстренный случай, выключенный, с отстыкованным питанием.

«Позвонить бы жене... Нет, этого нельзя. Ни в коем случае!» И ей он запретил пользоваться любыми видами связи.

В мобильник забиты номера. Телевидение, радио, несколько газет. Репортеры криминальной хроники. Без них, к сожалению, не обойтись. Обязательная часть «плана номер два». Сделал несколько звонков. Восемь раз повторил заго-

товленный текст. Закончив, бросил телефон на пол, раздавил его обломком гантели, прихваченной у стариков. «Зачем они хранят этот трехкилограммовый шар на ручке?» Обломки телефона сложил в коробку от камеры, потом в большой пакет. В него же запихал грязную одежду. Вынес в одну из пустых комнат, закопал в куче мусора. Обломок гантели положил в коридоре, у комнаты стариков.

Вернулся к себе, плотно прикрыл дверь. Встал на колени, прочел «Отче наш». Добавил несколько слов от себя. Все, что вокруг, перестало существовать. Мысли развернулись к главному, к тому, что волновало всю жизнь. Чем, собственно, жил. «Ответов нет. Эксперимент прекращается по техническим причинам... – подвел черту. – За глупость надо платить».

Много лет он ставил опыты над собой – искал ответ на вопрос, как правильно жить. Так пробовал, сяк... А теперь жить – отпала необходимость.

«Что ж, и червячка заодно похороним... – думал он, поднимаясь с колен. Достал пистолет, включил и настроил камеру. – При всех прочих минусах, с червячком получаем плюс. Раз по-другому не управились. Не ждал, родимый?.. Сюпрайз!.. Открой, падла, ротик!»

День Большого футбола

15 октября, суббота

Калмычков запомнил ту осень в мельчайших подробностях. События, краски, слова. Даже запахи и погоду. Осень 2005 года разнесла его прежнюю жизнь в клочья. Разметала все, что строил он долгие годы, камня на камне не оставила. А начиналось нерешительно, с мелочей, знаков, предчувствий. Первый звонок так и врезался в память – в связке с погодой.

Он сидел в кабинете, базарил с Женькой. Кабинетик тесный, на четвертом этаже питерского ГУВД. Подполковнику, мелкой сошке, такой именно и положен. Этой самой сошкой Николай Иванович Калмычков стал недавно, когда перевелся в Главк полтора года назад. Согласился на незначительную должность в надежде на перспективы. И застрял. А до этого – барствовал. Был начальником ОВД. Маленький, но хозяин.

Женьку Привалова он пригласил для разговора. Дико выглядит – встречаться с другом детства в служебном кабинете, но целый месяц не удавалось пересечься в местах, приятных и подходящих для посиделок. Вот и вызвонил, и зата-

шил чуть не на аркане.

Оказалось, не зря. Бегал от него Женька. Прятался. «Дурак! – подумал Калмычков. – Собрался выпрыгнуть из совместного бизнеса. Разбабился».

– Еще какой, дурак – пожурил вслух. – Сам-то видишь?

– Вижу, Колян, – кивнул головой Женька. – Теперь все вижу. И понимаю! Ты правильно по полочкам разложил. Нельзя бросать – затопчут. Только вперед! Мы – сильные!

Десять минут назад Женька вывалил на Калмычкова кучу страхов, буквально пропитал виртуальную жилетку соплями. «Ах!.. Ох!..». А проблем-то, оказалось, на три копейки.

Калмычков успокоил друга, объяснил и расклад, и перспективы. Носик утер и по щекам похлопал. Разлил по рюмкам коньяк и уже собирался хорошей шуткой закрыть тему, как с улицы донеслось еле слышное «тук-тук-тук...». Он взглянул в ночное окно. По стеклу и по жестяному отливу снаружи забарабанили редкие капли. «Тук-тук...» – застучал косым дождиком октябрь. Непривычно сухой и теплый октябрь 2005 года.

«Наконец-то, – собрался подумать Калмычков, – нормальная осень». И почти уже подумал. Тут и достал его первый звонок: обгоняя ленивую мысль, в мозгу полыхнуло: «Прокол! Опасный прокол!» Ярко блымснуло, как фото вспышка! От неожиданности – ошолбенел. Замер, с поднятой в руке рюмкой, с раскуренной сигарой в другой.

«Какой, на хрен, прокол?» Мысли спутались. Он забыл Женькины беды, забыл, зачем хотел подойти к окну. «Не может быть никаких проколов. Бред! Интуиция сглючила...» — гнал от себя дурное предчувствие. Вдоль позвоночника пополз холодок. «Испугался! — понял он. — Есть от чего...» В интуицию Калмычков верил. Жил за счет нее в уголовном розыске. Выручала, пока работал «на земле». Но теперь-то он в Главке! На почти канцелярской работе. Пишет отчеты, «утаптывает» информацию. Редко привлекается к оперативным делам.

«Какие проколы при перекладывании бумаг? Жизнь, похожая на сон. Долгов нет, дорогу никому не перешел, врагов не нажил. Думай теперь, откуда этот прокол? Что притаилось за углом? Когда выскочит?...»

Как все милиционеры, шофера и летчики, Калмычков суеверен. Старается не пропускать звонки, которые судьба посылает порой перед тем, как подставить ножку. Всем посылает, да не все приучены слушать.

«Узнать можно много, исправить трудно...» — сказала ему года три назад цыганка Дуся, не последняя в молдавском селе Атаки гадалка. Дусю-гастролерку замели на территории Калмыčkова в бытность его начальником ОВД. В рамках очередной кампании. Боролись с чем-то, теперь и не вспомнить. Натаскали полный обезьянник цыганок. Молодых, старых, с ребятей разных калибров. Опера повесили на гадалок все, что под руку подвернулось. Для жирной галочки.

Цыганки подняли гвалт, и разбираться пришлось Калмычкову. Он дутых палок не любил, считал их верным путем к деградации подчиненных, а потому велел поскорее выгнать орущих женщин и детей, под условие, что в его районе они больше не работают.

Старшей у цыганок назвалась Дуся, ее и привели в кабинет к Калмычкову для переговоров. Изложил ей условия, обрисовал варианты. Дуся согласно кивала, запуская в паузах цыганскую быль про тяготы и лишения. Играла отработанную роль. С Калмычковым фокус не прошел, и она честно призналась, что другого района ей не нарежут. «Ты наши законы знаешь. Что старшие скажут, то и сделаю, – сокрушалась она. – Мое слово, что вода». Чем-то задело его признание усталой, помятой годами женщины. Не врет, по крайней мере. Налил ей стакан чая, подвинул печенье. Разговорились. Скорее всего, Дуся его раскрутила. Цыгане те еще НЛПшники.

Дуся выпила чай, попросила добавки. Печенье не ела, но, собравшись уходить, завернула несколько печенинок в угол платка. «Для мелкоты...» – понял Калмычков. Он протянул ей всю вазу, которую по утрам наполняла выпечкой секретарша. Дуся хмыкнула: «Что-то ты добрый, начальник. Спасибо...». Вазочку аккуратно отодвинула.

А его руку взяла, повернула, как делают гадалки, всмотрелась. Брови полезли на лоб. «Ты и правда добрый. Мы так всем говорим, но добрых почти не осталось. Глотки грызут

друг-другу... А ты не злой. Дурак просто, часто путаешь.

Слепой... Правды не понимаешь. Через это много горя несешь. Себе и людям... Беда будет, дураков беда лечит... Дорога... Большим начальником станешь, генералом. Удача с тобой от рождения. А помрешь... – Дуся посмотрела на Калмычкова, как бы спрашивая, говорить ли. Он кивнул. – Помрешь не старым... – она закрыла глаза, будто видела что-то внутри. – В двенадцатом году, осенью. Под первый снег. Не знаю от чего, больницу вижу, серую простыню. Все! Спасибо, начальник, за обхождение. Узнать можно много...» – и Дуся ушла.

Не сильно поверил гадалке тогда еще майор Калмычков. Но не забыл. В особо гадостные моменты любил пробурчать: «Ага, и генералом буду...». А про 2012 год старался не вспоминать. Мало ли что Дусе привиделось. «Еще гадалкам верить...»

Вот интуиция, другое дело: звоночки он не пропускал. Интуиция – слово научное. В науку он верил свято, ведь, образованный...

«Что же случится?» – вернулся он в «здесь и сейчас». С трудом выдернул себя из ступора, осознал во времени и пространстве. Увидел, как из поднятой рюмки льется тонкой струйкой коньяк. Заливает штанину и правый ботинок. Изрядно вылилось. Махнул залпом остатки и прошептал еле слышно: «Где же я прокололся?»

– Ты о чем, Коль? Только что говорил: все нормально, –

Женька устался на него непонимающе.

– «Бзик» заскочил. От долгого сидения... – Калмычков взглянул на часы: «Десять вечера. Должен лежать на диване, пялиться в телевизор. Проклятый футбол!..»

Большому футболу он обязан субботним сидением на службе. Городу – праздник, а милиции похлеще операции «Антитеррор». Фанат, противник многочисленный и дурной. Стрелять в него «не моги», а утихомирить надо. Вот и подставляют мужики свои головы. Под арматуру, камни и бутылки. Весь ОМОН «болеет» сейчас на Кировском стадионе. Плюс курсанты и две роты солдат. Личный состав ГУВД поднят «по-боевому», начальство руководит с гостевых трибун.

Калмычкова оставили «в распоряжении». Как всегда. «Для связи и наблюдения...» – гласит приказ. Он единственный в Главке, кто равнодушен к футболу. Все остальные любят, во всяком случае, на словах, и прут руководить оцеплением с большой охотой. Халява в чистом виде, почти без риска для жизни.

Калмычков к футболу не просто равнодушен. Он его ненавидит. По известной ему причине, еще со школы. Сильнее он ненавидит только волнистых попугайчиков. «Эти гады ползают по спине, протыкая коготками рубашку, и испражняются на воротник... – объясняет он. – Или в тарелку. За что их любить?»

– Вдуют московские гости «Зенитушке», – предположил

Калмычков. Он дилетант, не ему прогнозировать. Интуиция опять встрепенулась.

– Не факт!.. – Женька знаток. – Наши на пике формы. Играть в родном городе.

– Тогда за победу! – Калмычков поднял рюмку. – Прорвемся, Жека! И не только в футболе.

– Ты прав, как всегда. – Женька выпил и откинулся в кресле. Оно жалобно скрипнуло, выдавая растущий привес. – Тесновато у тебя.

– Это не у меня, – засмеялся Калмычков. – Это кто-то растет в ширину. Звал я тебя в десятом классе на бокс? А ты сбежал со второй тренировки. «Качалка, качалка!..» Вот и вылезла твоя качалка.

Женька отмахнулся.

– За мной девки табунами бегали! – Он попытался согнуть руку в локте. – Бицепс был сорок сантиметров.

Калмычков ткнул друга в рыхлое плечо, и они заржали, как школяры-переростки. Женька колыхался когда-то мускулистым телом, вторым подбородком и детскими розовыми щеками. Он сильно прибавил в весе. Незнакомые люди при встрече лепили на него ярлык – «бандит на пенсии». И сильно ошибались.

А Калмычков сохранил к тридцати пяти годам и живость, и фигуру. Поджарый, костистый, выше среднего роста. На плакатного милиционера не тянет, но мужчина, и без формы, заметный. Женщины в его присутствии начинают оправ-

лять перышки.

Темные волосы, стриженные в традициях классики парикмахерского мастерства, задают верный тон при знакомстве с его портретом. Эпоха бандитских ежиков кончилась для Калмычкова вместе с переходом в Главк. Теперь к его волосам допущена только одна парикмахерша. Хорошая стрижка – ключ к лицу. Сколько ни подбирал прическу методом проб и ошибок, только толстая Люся сумела найти решение для его нестандартной головы. Встает с ее кресла – хоть генеральские погоны вручай. Такой представительный получается мужчина. Облагораживает Люсина стрижка его худощавое лицо. Повышает класс. Крупным чертам недостает благородства, слегка грубоваты. При более спокойной работе они сложились бы в портрет интеллигента, сгладились и истончились. Но при нынешней, в розыске, выпятили волевые качества. Лицо, это слепок с характера. А по характеру Калмычков – колун, способный крушить оборону подозреваемых, а подвернуться, так и неразумные воли собственных подчиненных. Добрым словом крушит, естественно. Смог бы и кулаком, но до этого обычно не доходит. Лицо предупреждает доходчиво, без вариантов и разночтений.

Манера общения соответствует лицу. С суровостью он переигрывает. Эксплуатирует образ громилы и простака, а настоящего себя не показывает. Спрятал он глубоко и врожденную совесть, и воспитанную родителями порядочность. Спрятал давно, чтобы не вступали в диссонанс с серой фор-

мой и такими же серыми буднями. Не вяжутся и мешают работать.

И глаза у него не плакатные, без стали и железобетона. Задумчивые глаза, внимательные. Читается в них юрфак ЛГУ, опыт и сотни распутанных преступлений. С глазами у него беда – трудно спрятать умный взгляд под фуражкой с кокардой. Особенно от начальства. Глаза Калмычков опускает. Или отводит, когда не ведет допрос.

Таким он пришел служить в Главк. Заточенным на борьбу и победу. Но восемнадцать спокойных месяцев смягчили наработанные черты. Сбили жесткость, разбавили смесью апатии и растерянности. «Кто я, где я?.. Зачем?..» Заржавел, одним словом, колун. Расползлись вдруг залысины, приросли к переносице очки. Помягчел, натянул маску клерка, готового выслушать, и понять, и исполнить, если прикажут. Вроде он уже не боевая единица, а винтик в чужом механизме. Спрятался Калмычков под новую маску. Многие верят, только Женька все время морщится: «Опять ты включил ментовскую улыбочку?»

Женьке можно. Женька Привалов друг и соратник, второе калмычковское «я».

– Что-то долго тебя в начальники отдела не переводят, – сказало это «Я», подкладывая кусочек семги на бутерброд. – Обещали. Или развели?

– Хрен поймешь! Ситуация изменилась. Макарыч хотел за полгода продвинуть... – Калмычков вспомнил про затуха-

ющую сигару и принялся ее растягивать. Одновременно говорил. – Макарыча на пенсию выперли. С кого теперь спрос? Погоди, Жека, дай раскурю...

– А новый начальник отдела? – пристал Женька. – Тот, что вместо Макарыча. Ты про него говорил. Перельман, кажется?

– Московский засланец. Под него Макарыча и схарчили. Место расчищали, – Калмычков справился с сигарой и теперь наслаждался, пуская кольца. Коньяк, закуску и сигары привез Женька. «Надо же, – подумал Калмычков, – пять лет назад пиву «Балтика» радовались, а теперь «Хеннеси ХО», «Коиба»... Растет жизненный уровень населения».

– Фамилия у него странная... – сказал Женька. – Он кто?

– Неважно, – ответил Калмычков. – Не в национальности дело.

– А имя-отчество его как?

– Иван Иванович его зовут, – отрубил Калмычков. – Что, своих козлов вокруг мало?

– Хватает, – упрямо гнул Женька, – только, на карьере теперь поставь крест... Напрасно ушел с «земли». Как жили!.. Все под рукой: ресурс, уважение... А что сейчас? Где результат?

– Ты за мои результаты не переживай, – обиделся Калмычков. – Мне даже завидовать можно. Все, что планировал к тридцати пяти годам – выполнил. Все есть...

– Что у тебя есть, нищита милицейская? – съехидничал

Женька.

– Все! Звание, должность. Заметь, не «на земле» сижу, в Главке. Дальше по списку: квартира, машина, деньжата кое-какие... Жена, дочь-красотуля... Друган есть! Ни за какие бабки не купишь!

– Так и помрешь идиотом! – засмеялся Женька. – Ладно, бабла мы нарубим. Без проблем. А карьера? Пора к кормушке пробиваться!

– Карьера, Жека, под вопросом. Повисла. С приходом Перельмана потянуло сквознячком. Копает, что ли, не пойму, – Калмычков наполнил рюмки. – Давай, за удачу! Она мне понадобится. Прокололся где-то...

Женька поперхнулся лимончиком.

– Ты, прокололся? Не смейся...

– Спинным мозгом чую, – сказал Калмычков. – После твоих соплей, когда по первой выпили, «бзик» заскочил. Аж переклинило.

– Ты просто устал! – замахал руками Женька. – Бумаги кого хочешь до «бзика» доведут. Какие проколы? Дела – как в аптеке!

– Нет, Женя, ты меня знаешь. На ровном месте волну не гоню. Что-то будет...

– Будет – не будет!.. Устал! Кризис среднего возраста. Климакс-с-с... Хы-хы...

Женька принялся разливать коньяк в маленькие калмычковские рюмочки – память о водочном периоде.

– Когда посуду нормальную заведешь? – журил он Калмычкова. – Рука устала... Сейчас жахнем, дождемся конца твоей каторги, и в баньку! Смоем «бзики», взбодримся. Там новых девок завезли, я тебе рассказывал...

Жахнуть они еще успели, успели и закусить. Но банька для Калмычкова отъехала в необозримое будущее вместе со звонком телефона. Звонил Перельман.

– Как обстановка? – справился он у Калмычкова.

– Нормально, – ответил тот.

– Отдыхаете, значит, – гул стадиона прорывался сквозь занудное перельмановское мычание. – Что хочу сказать. Здесь возможны эксцессы. Фанаты и прочее. Застрянем надолго. Слышите?.. А генерал задачу ставит: на Лиговке, где-то, суицид непонятный. Газетчики, телевидение понаехали... Кто, что – я не в курсе... Местные там работают. Нет, нам ничего расследовать не надо. Генерал хочет предупредить возможные недоразумения. На месте разберитесь!.. Да!.. Генерал лично вас велел послать. Остальные заняты. Поезжайте, Николай Иванович, утром доложите.

Калмычков положил трубку. Бросил взгляд на часы: двадцать два девятнадцать. Запомнил.

– Гавкнула наша банька, Евгений! Разбегаемся... – банкнул преждевременный посошок. – Досидеть не дал, засланец хренов!

Женька выпил и засобирался.

– Моя банька, положим, не гавкнула...

– Душу не трави, сволочуга. К жмурикам еду! Страсть люблю ночью, да под коньячок.

На том и расстались.

«Ничего не меняется в ГУВДе! – мысленно возмущался Калмычков. – Хоть бы раз у дежурного оказалась машина. Хоть бы раз! То «через час будет», то «все на выезде». Или водители болеют, или срочный ремонт. Сегодня, тем более! Спросил ради интереса, без особой надежды. Дежурный чуть из штанов не выпрыгнул от возмущения. «Разве не понятно – где сегодня весь транспорт?!» Пришлось осадить маленько.

Перельмановское «где-то на Лиговке» – из той же оперы. Подняли в регистрации происшествия за последние два часа – пусто. Ни Лиговки, ни самоубийства. И за три – ничего. Оказалось, сигнал поступил еще в восемнадцать тридцать, да не с Лиговки, а с улицы Достоевского, 4.

«Понимаю, – злился Калмычков. – Перельман в операх не бегал и москвич, к тому же. Но элементарной оперативной грамотностью обладать обязан! Адрес сформулировать – в лом? Чтобы десять человек потом твою тупость не распутывали.

А временной разрыв? Ни в какие ворота! Посылать офицера Главка через четыре часа после выезда опергруппы! Зачем? Там все уже отработали. И местные, и медики, и прокуратура».

Бухтя и чертыхаясь, Калмычков завел собственную «Ладу-112» и вырулил на проспект. Ощущение прокола утихло, но, похоже, никуда не исчезло. Свернулось калачиком в подсознании и поехало вместе с ним в адрес.

Вождение успокоило Калмычкова. Простые и понятные задачи (объехать колдобину и не подставить бок кому-нибудь пьянее себя), остудили эмоции. Можно и мозгами пошевелить. Что он упустил?

«Думай, ментяра, думай. Напрягай память, может, что и всплывет.

Допустим, прокол по линии службы. Где? Документы... Разговоры... Старые дела. Вряд ли. Там всякого хватает, но явных нарушений, без возможности отмазаться, он не оставил. Не лейтенант сопливый. Разве, что за того придурка, что ребята по голове перестучали, прижать могут. Мой был приказ, а дуболомы перестарались. Почти два года прошло, и оперов тех уволили, а журналюги все правду ищут. Летом репортаж с могилы невинно убиенного на пятом канале мусолили. Случайно? Четвертый раз прогнали. То в одну, то в другую передачку монтируют. Вдруг в УСБ на моем проколе какой-нибудь козел звездочку заработать решил? Возможно? Возможно, но маловероятно. Что еще?

Крышевание?.. Недоказуемо. Взятки не беру. Еще бы сдурю не просил за мало знакомых. Черт дернул! Хотел Макарычу удружить. Корешей в Адмиралтейской прокуратуре за того пидора попросил. Что на малолетках залетел. Отмазали,

а сами попались. Какие-то свои у них разборки, кормушки всем не хватило. Чудом проскочил. Если бы лично деньги возил... Может оттуда звоночек звякнуть? Кто знает...

У бандюков, случайно, не накопсил? Нет, все под контролем... И бандюки теперь бизнесмены. Им шуму не надо. Тогда – где?

Может, Валентина, что прослышала? Город маленький, а бабам рот не заткнешь. Какой-нибудь придурок со своей поделился, и пошли трепать! Про пьянки по службе, про совещания в баньках с проверяющими. Мало ли всякого.

Стоп!.. Об этом жена знает. Третий год пилит его за общественные нагрузки. Куда от них денешься? С начальством не пить – в вечных капитанах ходить... Знает так знает.

А вот про главное – откуда в семье деньги берутся, ей догадываться не следует. Пока... Неправильно поймет. Старое воспитание. Для их же с Ксюней пользы стараюсь! Потом оценят. Вот, блин, работенка. Как на вулкане!

Нет, семейный прокол так не «пахнет». Что-то другое. Думай, Калмычков, думай!»

К половине двенадцатого ночи припарковался в темном дворе указанного в сводке дома. Прошедший дождь почти не оставил луж. Но как освежил коктейль ароматов питерских подворотен: людская и кошачья моча, гнилой арбуз, помойный бак во всем многообразии. Прелое дерево и асфальт. Что-то еще, не поддающееся идентификации... Незабывае-

мый микс, память сердца! Живое напоминание об оперских годах.

Искать парадное, этаж и квартиру в едва освещенных домах улицы Достоевского – то еще адреналин-шоу. Особенно ночью, когда надписи скрывает тьма, а спросить не у кого. «Даже лучше, что не у кого. Надо было пистолет прихватить», – запоздало посетовал Калмычков.

Если бы у искомого парадного теснились машины «скорой», опергруппы, прокуратуры, да еще телевизионщики, как сообщил Перельман, и дурак бы сориентировался в темном дворе. Машин не было. Пришлось искать методом «тыка», подсвечивая себе телефоном. Калмычков справился за десять минут. Благодаря природной смекалке и опыту питерского сыскаря. «Перельмана бы сюда. Одного, без оружия, и время засечь», – усмехнулся он про себя, толкая дверь квартиры пятнадцать.

После сумрака лестничной клетки одинокая лампочка, едва освещавшая бесконечный зеленый коридор, показалась прожектором. В слепящих лучах различил два силуэта, выплывшие ему навстречу. Одна из теней, тощая и взлохмаченная, проскользнула на лестницу, а другая остановилась рядом и человеческим голосом доложила:

– Капитан Егоров, Центральное РУВД, «убойный» отдел. Вас дожидаясь, начальство велело.

Глаза Калмыčkова справились с перепадом освещенности, и расплывчатый силуэт обрел очертания опера, со всеми

присущими признаками: кожаной курткой, помятым лицом, а главное, запахом. Калмычков представился:

– Подполковник Калмычков, ГУВД. Кто, только что, вышел в эту дверь?

– Журналисты шастают, отбоя нет. Дело – ерунда, а они, как мухи на говно. Пришлось участкового внизу ставить, чтобы не лезли, – ответил Егоров.

– Я никого не заметил...

– Еще бы! Часа два, как разъехались. Торопились... Футбол! – в голосе Егорова прорывался сильно сдерживаемый упрек. – Труп в девятнадцать тридцать увезли. С труповозкой подфартило. Эксперты за полчаса отстрелялись, комнатка маленькая. Со свидетелями долго возились, наши и прокурорские. Ничего путного. Из крупного начальства никто не приезжал... – Егоров замялся, соображая, что бы еще доложить. – Мое дежурство в пять вечера закончилось, на этот выезд сдуру согласился. «Нету никого, говорят, съезди Егоров, выручи». А в полвосьмого звонят, велят вас дожидаться. Не кисло?.. Больно долго ехали. Футбол досматривали?

– Я перед вами не подотчетен, – оборвал Калмычков. – К футболу, кстати, равнодушен.

Калмычкову понравился капитан. Здоровая наглость. Цену себе знает, и никого не боится. «Дальше фронта – не пошлют».

– Как это, товарищ подполковник? – не поверил Егоров. –

Не любите футбол?

– Не вижу в нем здравого смысла, – ответил Калмычков.

– Тяжелый случай, – Егоров покачал головой. – Как импотенция, наверно?

У Калмыčkова хватило ума не вспылить. «Привык над начальством стебаться, сволочь».

– Показывай место, юморист. Кто пострадавший?

– Неизвестный мужчина, лет сорок. Огнестрел. Документы отсутствуют. Пистолет – переделка, вставка под пять сорок пять.

Они вошли в малюсенькую комнатку. Двенадцать квадратных метров давно не отремонтированной пустоты. Засаленные синюшные обои. Тускло-пестрая шторка на окне. Из мебели – старинная, когда-то роскошная кровать, под серым казарменным одеялом. На одеяле, почти в центре, темное пятно. Сантиметров десять в диаметре.

– Стреляли не в голову, – подумал вслух Калмычков.

– В область сердца, – уточнил Егоров. – А почему – «стреляли»?

– Есть свидетели самоубийства?

– Так точно, – Егоров указал на стоящий в углу штатив для фото– и киносъемки. Калмычков принял его за инвентарь опергруппы, успел удивиться – казенное имущество забыли. – В момент самоубийства штатив стоял вот здесь, между кроватью и окном. Запись велась на цифровую камеру «Панасоник». Камера, пистолет и одежда самоубийцы – в ве-

щдоках. Протокол почитаете, если хотите. Зацепиться не за что.

Калмычков поворошил на подоконнике кучку новых неиспользованных носок и трусов из вскрытых упаковок.

– А если 110-я? Что на камеру записано?

– Выстрел. Эффективной записи – минута пятьдесят. Потом, двадцать одна минута – труп на кровати. Первым в комнату вошел я. Добрался быстрее уродов из 28-го, те еще хо-доки. Через пять минут приехала «скорая»... – ответил Егоров.

– Так-так... Какое впечатление производит самоубийца? Статус его, понимаете? Богатый – бедный, из «быков», из блатных?

Егоров недоуменно посмотрел на Калмычкова.

– Вам-то, зачем? В протоколе все есть. Следствие, что сможет – покажет. Готовенькое прочитаете. В толк не возьму, какого лысого меня здесь торчать заставили? Нормальные люди уже и футбол посмотрели, и пива надулись. Чего Главк не в свои дела лезет?

Этот вопрос волновал и самого Калмычкова. Но не с Егоровым же его обсуждать.

– Отвечайте на вопрос, капитан. Остальное – не ваше дело.

– Слушаюсь! – вытянулся Егоров. Лицо его изобразило кретинизм, и Калмычков понял, что толку больше не добьется. – Докладываю! Никакого впечатления труп не произвел!

Наколки отсутствуют, на роже у него ничего не написано.

– Хватит «дурку включать»! Я пытаюсь понять смысл происходящего. Если дело простое – почему репортеры приехали, телевидение. Почему они-то налетели?

– Не могу знать! – не унимался Егоров. – Кто-то их вызвал.

– Ладно, ступайте домой. Два вопроса вдогонку...

– Хоть три, товарищ подполковник! – обрадовался и сразу стал нормальным Егоров.

– Кто сообщил о самоубийстве?

– Соседи, старички. За стенкой живут. Приютили квартиранта. Как только выстрел услышали, сразу и позвонили. Телефон у них, по счастью, работает, – ответил Егоров.

– Что делал здесь журналист? – спросил Калмычков.

Дался ему этот доходяга.

– Ничего не делал. Прибежал позже всех. «Хочу, – говорит, – знать, что произошло...» Отправил его в отделение, пусть там расспрашивает.

– Хорошо, Егоров, идите. Вы и так субботний вечер прокухали. Да и я, собственно.

– Такая у нас служба, товарищ подполковник, – съерничал Егоров. – Вредная для здоровья и личной жизни. Да, кстати, – уже от двери обернулся он к Калмычкову. – Если вас прислали ввиду необычности дела... Все, как всегда... Разве что журналисты. Чего они приперлись? В правильную сторону ваша мысль сработала. Мы не догадались спросить. Что

еще? Докторишка мне не понравился – молодой, но сильно датый. У медицины теперь так положено? Он внимания не обратил, а я заметил: труп покрыт мелкой сыпью, странная, по всему телу. И прижизненные потертости на коленных и локтевых суставах. Свежие. На карачках полз?.. Судмедэксперт, конечно, опишет, а я так, к сведению... Остальное – как обычно, только быстрее. Торопились на футбол, – сказал Егоров и исчез за дверью.

Оставшись один, Калмычков еще раз окинул комнатку взглядом, заглянул под кровать, но ничего интересного там не обнаружил.

«Не прав Егоров, не прав. Простоты в этом деле не видно. Труп неопознан, документов нет. Человек, по всему, не местный, концы в воду. А запись кому-то оставил. Кому? Кто должен объявиться?.. А журналисты? А генерал?.. А я здесь – зачем?..» – задавал себе Калмычков вопросы.

Скрипнула дверь и в узкую щель просунулась растрепанная старушечья голова. Сухонькая бабулька, лет семидесяти. Из бывших приличных.

– Вы не уходите, товарищ милиционер? Поздно уже, двери закрыть надо.

– Да, бабушка, скоро уйду. Вас немного поспрашиваю... Можно к вам заглянуть? – явил образец такта и уважения Калмычков.

– Сколько ж спрашивать? Целый день спрашивают, спрашивают. А мне надо деда обиходить. Раньше хоть жилец по-

могал. Возьмет его на руки и в туалет стащит.

Так, бубня, старушка дошаркала до своей двери. Калмычков поддержал ее под локоток, помогая переступить порожек.

Комната стариков оказалась почти вдвое просторней той, где самоубился квартирант.

Из обстановки в ней собралось необходимое: стол, шкаф, две кровати, телевизор на этажерке. Старый телевизор, но цветной. Показывает полуночные новости. В углу тарахтит древний холодильник. На подоконниках и на второй этажерочке – десятка два разных кактусов. Много хлама по полкам и столу. Хотя, что для кого – хлам? «У питерских стариков привычка – ничего не выбрасывать. На черный день».

На одной из кроватей лежал под одеялом дед, худой и синий, как общипанный старый петух. При появлении Калмычкова он повернул голову на подушке и вразумительно поздоровался. «Крепкий, значит, дедок, не инсультник парализованный», – подумал Калмычков.

– Вы уж поскорей. Спрашивайте, да идите. Дед переволновался весь. И, это... Я уже говорила вашим, мы ничего не знаем... – беспокоилась старушка.

– А давайте, бабушка, я вам помогу. Как вас зовут? – спросил Калмычков.

Бабуля недоверчиво покосилась, но выгонять перестала.

– Самсоновы мы. Я – Клавдия Захаровна. Дед – Степан Иваныч. Да вы не утруждайтесь. Китель на вас новый, запач-

каете. Погоны-то, с большими звездами... Начальник... Мой в молодости офицером был, морским, капитан-лейтенантом. Милицейские погоны я не различаю. Вы лучше идите. Сами как-нибудь...

Но Калмычков не отступился. Снял тужурку. Выпрастал деда из одеяла и отнес его, под бабкины причитания, в жутковатый квартирный санузел. Вместе с ней они сначала помогли деду облегчиться в почерневший унитаз, а затем Калмычков поставил его в такую же черную ванну, под ржавый грибок-рассеиватель, венчающий водопроводную трубу. Клавдия Захаровна окатила дедовы мощи теплой водичкой. За трубу дед и держался, пока принимал душ.

– Он еще крепкий, сам на ногах стоит, было бы за что ухватиться. И ходит, только медленно. Сажать его тяжело и поднимать. У самой поясицу схватывает. Боюсь, не разогнусь в какой-нибудь раз, – жаловалась бабуля по ходу процедуры.

– Тут и помрем, на унитазах, – съязвил дед. – В газете напишут: «Они жили долго и померли в одном туалете». А заголовок будет: «Осколки Советского Союза».

– Молчи уж. Раздухарился! Райкин в маразме... – заворчала бабуля, вытирая костлявое тело ветхим полотенцем.

Как-то само собой, за делами, старики рассказали, что раньше в их квартире была коммуналка на восемь семей, а года три как все разъехались. Дом ставят на капитальный ремонт, чтобы потом квартиры дорого стоили. Семей двадцать

в разных подъездах еще живут. Слава Богу, воду и свет не отключают. Старикам ехать некуда, детей живых не осталось. В дом престарелых некому сдать. Обещал военкомат в прошлом году пристроить, но пока без движения. Как бы «черные риэлторы» не опередили.

А квартирант был хороший, не то, что давешние алкоголики, еле избавились от них. Те за комнату не платили, еще и дедову пенсию отбирали. Били, случалось. А этот – вперед заплатил, да только неделю, видишь, прожил.

Тихий. Не пил. Никого не водил. Надолго не отлучался. Еду всякую приносил. Откормились при нем маленько. Точно – не местный: как проехать, часто спрашивал. Представился Анатолием, но иной раз трижды окликнешь, пока обернется. Фамилию не называл.

Сегодня после обеда вещи куда-то снес, сумка у него с вещами была. Потом вернулся, зашел. Вместо того, чтобы поздороваться – попрощался. Грустно так, с улыбкой. Вроде – виноватый. Старики и не поняли ничего. Потом – бах! За стенкой. Думали – по телевизору. Но там концерт начался.

Заглянула Клавдия Захаровна в комнату, а он на спине поперек кровати лежит. Пистолет на полу. Вызвала милицию и «скорую». Быстро приехали, к деду иной раз по полдня ждем. Жалко его, квартиранта, – хороший был человек. Царствие небесное!.. Молодые умирают, а мы, старики, все коптим...

Калмычков отнес легкого, как большой ребенок, деда на

кровать и собрался уходить. Чего донимать стариков распросами? В протоколе все есть.

Уже переступал порог комнаты, когда его окликнул дед.

– Боялся он кого-то. Прислушивался, вздрагивал, если на лестнице шум. И про себя ничего не рассказывал. Ну, это я уже для протокола говорил.

– Гантелю спер, – добавила бабка, – мы не заметили. Споткнулась об нее в коридоре, когда на выстрел побежала... Зачем брал? Вашим про гантелю не говорила, запомнявала.

– Спасибо. Будьте здоровы! – попрощался Калмычков и вышел.

Захлопнул дверь, и странное самоубийство перестало его волновать. Больше расстроило общение со стариками. «Не приведи Боже вот так старость встретить...» А еще больше беспокоила нелепость задания. И неувязка во времени: Егоров в полвосьмого знает, что приедет человек из ГУВД, а Калмычкова озадачивают в двадцать два с копейками. Бред собачий!

«Генерал чудит, старой задницей неприятности чувствует, или Перельман комбинацию придумал?.. Надо переиграть. Не на того напали, ребята! Разберемся... Я на десять ходов вперед думать привык. Хрен подставите!»

Стало зло и неприятно.

«У меня тоже интуиция. Я тоже кое-что, кое-чем – чувую! Не зря весь вечер колбасит». Теперь он стопроцентно квалифицировал это притихшее ощущение прокола и с облег-

чением отнес его на предчувствие служебных интриг.

«Виват, Футбол! Виват...»

19 октября, среда

Футбол не прошел даром: пятерых забили после матча. Прямо на стадионе.

Потом фаны «Зенита» отлавливали прорывавшихся к вокзалу москвичей. Еще три жертвы. У вокзала подвернулись вьетнамцы. Потом по городу пили, шумели, дрались и мочили друг друга все кому не лень. Количество раненых, изувеченных и просто побитых, перевалило за три сотни.

Футбол – праздник для города!

А для милиции, медиков и прокуратуры начались страданные денечки. Горы бумаг, протоколы, отчеты. Допросы и опросы. Оpoznания. Втыки из Москвы. Депутатские запросы. И журналюги, журналюги, журналюги – как мухи на дерьмо!.. Работа в режиме «нон-стоп».

Задача Калмычкова состояла в исправлении статистики. Он выжимал из отчетов с мест все, что можно было отжать для уменьшения количества пострадавших именно вследствие фанатских разборок и конфликтов на национальной почве. «Футбол – ни при чем, все в бытовуху!» Таков был клич городского начальства. Не опошлять же высокий спор-

тивный дух цифрами убитых и покалеченных. Святое, ведь – Футбол!

Ради святого: «теряются» заявления пострадавших, меняются показания свидетелей. «Тяжкие телесные» переходят в «легкие», и так далее, и тому подобное. Кропотливую работу в ОВД и УВД районов подхватывают асы из ГУВДа. Статистика мягка и податлива, а уж по каким категориям, статьям и периодам разнести превращенные в цифры трагедии, профессионалы, вроде Калмычкова, знают на пять с плюсом. Главное, правильно оцифровать.

Через четыре дня – следа от кровавой бойни не осталось. Питер вышел в отчетах бел и невинен. Это подтвердили пресса и телевидение.

Виват, Футбол!

Сдав последний отчет, Калмычков возмечтал чем-нибудь заполнить пустоту, обозначившуюся в душе за четыре дня бумажной гонки. Предположительно пивом и приятными впечатлениями. Рука потянулась к мобильнику, набирать Женькин номер. Но раньше позвонила перельмановская секретарша и вызвала срочно к шефу.

С чистой совестью и чувством исполненного долга вступил Калмычков в кабинет начальника отдела.

– Николай Иванович, как же вы так облажались? – не поздоровавшись и без всяких прелюдий, напустился на него Перельман. – Вы, опытный офицер. Мне говорили, вам можно доверить любое дело.

«Приплыли!» – вздохнул про себя Калмычков.

– Ездили на тот суицид, на Лиговке? Куда я вас посылал, – спросил Перельман.

– На Достоевского, четыре, – поправил Калмычков.

– Не важно. Ездили?

– Так точно. Только не понял...

– А вам не понимать, вам исполнять надо! – Тонкая шея Перельмана вытянулась, лицо налилось кровью. – Я про телевидение предупреждал? Предупреждал, спрашиваю?!

В режиме повседневного, спокойного общения Перельман смахивал на бывшего министра труда Починка. Был тих и неприметен. Но обуркавшись в ГУВДе, все чаще стал орать на подчиненных. Калмыčkова до сего дня не трогал.

– Почему я должен в генеральских слюнях стоять?! Весь! Почему? – возмущение захлестнуло Перельмана. – Что за страна-а?! Что за город?.. Как тут работать?.. Я отдал распоряжение целому подполковнику! Подполковнику Главка!

– Иван Иванович... – попытался возразить Калмычков.

– Я вам не Иван Иванович! Научитесь приказы исполнять, а не панибратство разводить! – прибавил обороты Перельман.

– Товарищ полковник! Я все выполнил в соответствии с вашим устным распоряжением, – спокойно возразил Калмычков. Начальства он никогда не боялся. «Понять бы, куда клонит». – Рапорт не успел написать в связи со срочной работой по футболу. Через полчаса могу отчитаться. Только и у меня вопросы по этому делу имеются...

– Какие вопросы?! Какие вопросы, Калмычков! Поздно вопросы задавать! – Перельман вылез из-за стола и дрожащими руками вставил кассету в видеодвойку. – Смотрите! Теперь нам ответы давать придется. Вчера в новостях первого канала прошло. На всю страну! Генералу кассету прислали. Смотрите!

Зашипел престарелый видак и после перемотки, полос и мельканий пошел сюжет.

На экране включенный журналист рассказывает что-то на фоне машины «скорой помощи». Звук – ни к черту. Пронесли в «попоне» то ли больного, то ли труп, положили на носилки. Накрыли простыней. Значит, труп. Погрузили в машину.

Камера уже в помещении. Пустой коридор. Комната. Кровать...

«Ба-а!.. – взгляделся Калмычков. – Да это же кровать с Достоевского, четыре, квартира пятнадцать! Ее трудно не узнать. А вот и Егоров... Интервью дает, сучара!.. Да с удовольствием! «Перед моим приходом снимали. В квартире пусто...» Вот и бабуля, Клавдия Захаровна, попиарилась».

Калмычков собрался выматериться по поводу увиденного, но не успел. Кадр сменился, экран заполнил собой мужчина средних лет, вполне приличного вида, выбритый и причесанный. Свежий, как после бани. Одет в футболку, нижняя часть туловища в кадр не попала.

Он дважды протянул руку к камере, поправляя объектив

и выбирая ракурс. Настройки его, наконец, удовлетворили, руки покинули кадр, и стало видно, что сидит он на той самой кровати.

Мужчина приосанился, внимательно посмотрел в объектив, и даже слегка подмигнул. Потом из-за границы кадра появился пистолет... «Не «ТТ» и не «Макаров», – отметил про себя Калмычков. – Хотя на «Макарова» смахивает».

Человек в кадре приставил пистолет к виску, и по виду сбоку Калмычков понял – газовый «Иж», такие часто переделывают.

Видимо, точного плана мужчина не имел.

Висок чем-то не устроил его, и он попробовал вставить ствол в рот. Но тут же вытащил и начал плевать. «Невкусно?..» Он вытер обслюнявленный ствол рукавом и приставил его к груди. Немного замешкался, задержал дыхание и с усилием нажал спусковой крючок. Ничего не произошло.

Мужчина чертыхнулся, виновато взглянул в камеру и по клацанию за кадром Калмычков понял – дослал патрон. Потом сразу – выстрел. Тело дернулось навзничь, рука с пистолетом – в сторону. Хрип, несколько конвульсий и все.

Снова пошли кадры у машины «скорой помощи». Монолог репортера. Но запись на этом оборвалась. Видимо, человека, приславшего генералу кассету, комментарии не интересовали.

Калмычков с Перельманом переглянулись. Перемотали пленку и еще раз внимательно просмотрели.

– Пистолет газовый, переделка. Момент выстрела – за кадром... – начал отработывать Калмычков.

– Николай Иванович, это не наши дела: «газовый – не газовый». Следствие разберется. Почему в эфир вышло? Да еще на первом канале! Вас для чего посылали? – спросил Перельман.

– Товарищ полковник, я прибыл туда через четыре часа после происшествия. Застал пустую квартиру, – ответил Калмычков.

– А мне что прикажете? Генералу пенять, что поздно позвонил? – не унимался Перельман.

– Фактически все это за рамками моих должностных обязанностей.

– Я вас самих за рамки выведу! Берите кассету, и завтра... Нет, завтра меня не будет. Послезавтра, к семнадцати ноль-ноль, чтобы все стало ясно. Кто, где, когда! Понятно?

– Понятно... – ответил Калмычков.

Выйдя от Перельмана, он много чего связал в один узел. Даже мучившее в «тот» вечер ощущение прокола, казалось бы, нашло новое объяснение.

Вернувшись в кабинет, сгреб в ящик стола бесполезные бумаги. В голове – пустота, на душе – плесень. «Понятно», – сказанное им в ответ на Перельмановский приказ, совсем не означало, что он бросится его исполнять. Копаться в дерьме внутренних расследований – совсем не работа подполковника Калмыčkова. Он сыскарь. В прошлом. А сейчас – органи-

затор оперативно-розыскной работы.

Статистика и манипуляции с ней – последнее звено в цепи мероприятий, проводимых отделом и Управлением ГУВД, в котором он служит. А еще есть контроль низовых подразделений криминальной милиции, и анализ, и методическая помощь в освоении новых приемов и средств. Организация взаимодействия с другими службами. Много чего полезного делает их Управление. Только не разгребает дерьмо! Для этой работы существует Управление собственной безопасности.

Калмычков имел и более веские причины не выполнять приказ Перельмана. Он перебирал их одну за другой, пока не понял, что конструктива в накручивании себя абсолютно нет. Наоборот! Надо отвлечься, расслабиться. Прочистить мозги, а потом уж принимать решение. Правильное решение. Потому что при наихудшем раскладе, придется уходить из органов. Не все так просто.

Настенные часы прохрипели неведомую китайскую мелодию, соответствующую восемнадцати ноль-ноль. Рабочий день закончился.

На крышах соседних зданий бликовало предзакатное солнышко, посылало зайчиков в окно его кабинета, словно приглашало успеть под последние теплые лучи. «Почему бы и нет? – согласился он. – Прогуляюсь, подумаю. Разложу по полочкам». Накинул плащ и вышел из кабинета.

Поехал к Неве. В места для туристов, куда не заглядывал

годами. Припарковался на набережной против Исаакия. Постоял у парапета, разглядывая речные трамвайчики. От реки потягивал упругий ветерок, и он перебрался в парк, где бродить между собором и Адмиралтейством оказалось намного комфортнее.

Листья кое-где еще держались на ветвях, но земля уже укрылась красно-желтым ковром. «Лет двадцать не бродил по осенним листьям», – подумал Калмычков. Присел на скамью, закурил.

Дневные обиды схлынули окончательно, но их место не заняло умиротворение. Вместо него накатила приторная тоска. Стало жалко себя и других – не конкретных знакомых, а людей – всех подряд. И собак. И ворон... «Чушь полнейшая...»

Хотел вырваться из объятий хандры. «Разбабился!..» Но вдруг понял, что гулять по листьям или не гулять зависело только от него. Никто не запрещал, хотя никто и не приказывал. Почему же он не гулял? Не хотел? Он мог бы делать массу приятных вещей. Интересных! Красивых...

А он копался в дерьме. Вылез с трудом на чистую работу, а сегодня Перельман вновь попытался загнать его в ту же вонючую субстанцию!

«Я мог стать кем угодно. Жека и тот – бизнесмен! А я всю жизнь выслуживаюсь перед Перельманами». Его пугали непривычные мысли. Пытался отогнать их, но как из прохудившегося мешка на него сыпались не задававшие раньше

вопросы. «Правда, что ли, кризис среднего возраста?..» Такого с ним не случилось. Хлюпиков не любил, в психопатах не числился и старался в любой ситуации думать, а не рефлексировать. «Что-то в последние дни неправильно складывается. Где-то я прокололся». Подумал – и тут же всколыхнулось забытое в суматохе ощущение.

«Ерунда! И с Перельманом, и с генералом его. Если надо, уволюсь! Расклад у меня хороший. Связи там и сям, людей знаю, тему чувствую. Смогу: бабок – лопатами, и дела всякие двигать. Я еще молодой, и бизнес в самом начале. Прорвемся!» Он даже промурлыкал под нос: «Хо-ро-шо! Все будет хо-ро-шо! Все будет хорошо – я это зна-а-а-ю...»

«Хрен вам, а не Калмычкова!..» – перефразировал реплику Жеглова из любимого кино.

Хорошо, правда, не стало. Но захотелось пропустить стаканчик для борьбы с дискомфортом. «Для восстановления баланса...»

Домой он доехал к утру. Вдрызг сбалансированный и грязный.

«Прощай, оружие?..»

20 октября, четверг

Валентина растолкала через два часа, да он и сам поднялся бы. Какой ни есть, а в семь утра – подъем. Это уже в крови. Пока умывался, она приготовила ему завтрак. Непривычно тихо. Без обидных слов, без глаз, полных осуждения. Холодно и равнодушно. «Черт с тобой!.. – подумал, допивая кофе. – Умная – поймешь, а объясняться – только нервы трепать».

Схватил в прихожей плащ и выскочил на площадку. Если бы не торопился, услышал бы, как она пробурчала в ответ почти то же самое: «Черт с тобой! Если не дурак, не сопьешься. А сопьешься – так и проституткам своим не понадобишься».

Гармония...

Скучно. Скучно и неприятно готовить себя к досрочному увольнению. Но выбора ему не оставили. Вчера он еще надеялся неизвестно на что, но начавшийся день подтвердил опасения. Самые наихудшие.

В полдесятого утра в кабинет к Калмычкову заглянул Са-

ня Лагутин, майор из соседнего отдела. Когда-то служили в одном РУВД, помогали друг другу. Семьями что-то вместе праздновали.

– Здорово, Саша, – оторвался Калмычков от бумаг. – Каким ветром?

– Попутным. Шарахался по коридорам, увидел твою дверь. Дай, думаю, загляну. Ты чего смурной? Может, не вовремя?

Лагутин делал вид, что зашел потрепался, но Калмычков разглядел бегающие глаза и не свойственную майору зажатость.

– Темнишь, Саня. Что-то случилось?

– У меня? – переспросил Лагутин. – У меня ничего...

– А у кого? – спросил Калмычков.

– У тебя, – ответил Лагутин. – Не знаю, как и сказать... Скользкая ситуация.

– Скажи, как есть, – Калмычков насторожился: «Что еще за новости?»

– Не подумай. Я в твои дела не лезу. Но промолчать, нехорошо будет, – Лагутин перестал мяться. – Бумагу на тебя видел, даже две. У генерала.

– С каких пор ты генеральские бумаги читаешь? Сам дает? – удивился Калмычков.

– Не генерал. Секретарша его, Танечка, – ответил Лагутин, и щеки его пошли пятнами. – Мы с ней как-то, после прошлого Дня милиции... Моей не скажи! Разок только, по

пьяни. Случайно! – Лагутин, оказывается, решал сложную задачу: «Быть или не быть». Кололся перед Калмычковым в связи с генеральской секретаршей, чтобы объяснить доступ к документам. С одной стороны – выручал Калмычкова, с другой – топил себя и Танечку.

– Пойми, – объяснял Лагутин. – Она хорошо к тебе относится. И я, тоже. А Перельман ваш... Одним словом, он на тебя два рапорта генералу подал. Один – о наказании за невыполнение приказа по какому-то самоубийству. И заметь, сразу «неполное»! Не «выговор», не «строгач»... «Предупреждение о неполном служебном соответствии»! Танька как прочитала, хотела тебе звонить, но струсилa. Ей за утечку, сам понимаешь, что будет. Выкинут, и хрен где потом устроишься! Меня позвала. Знает, что пересекались. Смотри, Николай Иванович, я тебе как человеку.

– Успокойся, Саня, – сказал Калмычков. – Если бы во мне сомневался, разве пришел бы?

– Не уверен. Про Перельмана все управление в курсе – редкая гнида. А тебя в Питере знают, кому надо... – Лагутин прикурил от калмычковской зажигалки.

– Короче, – продолжил Саня. – Второй рапорт в Управление собственной безопасности. Просит проверить твои связи с коммерческими структурами. Конкретного не вменяет, но ход мыслей ясен. Копают под тебя. Убрали Макарыча, теперь его людей зачищают. Сволочь московская!

– Спасибо тебе, Саша. И подруге твоей спасибо. Думал,

нормальных людей не осталось... – Калмычков не мог подобрать нужных слов. Редко кто с добром приходит. Благодарные слова в памяти всяким хламом завалены. – Спасибо, Саша! Не забуду.

– Я чего?.. – засмутился Лагутин – Татьяна обещала до обеда папочку с рапортами придержать, не понесет на подпись. Просись на прием к генералу, он людей понимает. Может, успеешь упредить?

– Попробую, – Калмычков задумался. – Ты ей скажи: пусть не подставляется. Не надо из-за меня. Пусть, как положено, делает.

– Если генерал не напомним, она до обеда продержит, – сказал Лагутин. – Еще раз прошу: моей не проболтайся. Или Валентине.

Лагутин пожал на прощание руку и вышел из кабинета.

«Молоток, Сашка! – думал Калмычков. – Предупредил. Однако, гусь каков! Валентина его в пример ставила: «Отличный семьянин! Вечерами дома...» А он генеральскую секретаршу закадрил. Подпольный Дон Жуан. «Я только разочек...» Ну, гусь!..»

На душе потеплело. Аж два человека не побоялись подставиться из-за него. Бескорыстно, во вред себе. Значит, жить еще можно: есть люди в МВД! И на гражданке – найдутся. Обойдется он без милиции. Похоже, судьба!

Если бы не перельмановские рапорты, еще цеплялся бы за службу. А теперь – дудки! Придется уволиться по собствен-

ному желанию. «По всей морде вам, господин Перельман, с вашими рапортами».

Еще вчера почувствовал: приказ о внутреннем расследовании – первый ход. Игра идет на выбывание. Но чистого Калмычкова уволить трудно. Это Перельман понимает. Обгадить решил.

Пусть покопается Калмычков в делишках Центрального РУВД. Пусть вывалиется в чужих грехах, как бомж на помойке. Людей подставит, провоняет протоколами на своих же товарищей. Потом – пара-тройка взысканий. Лети Калмычков!.. Кто пожалеет стукача?

«Хрен вам!..» – сжал кулаки Калмычков.

Надо уйти героем. Отказался, мол, на товарищей компромат лепить. Совсем другое дело! Обеспечена помощь бывших сослуживцев после ухода на гражданку. А помощь понадобится. Крыша не крыша, но обращаться придется не раз. Пострадавшему за правду – кто откажет?

Логика в этих построениях есть. Но душа... Душа приросла к серой форме и никак не соглашается с доводами. Уперлась душа. Тринадцать лет чистой выслуги из памяти не выкинешь.

«Каким наивным лейтенантом я пришел в свое первое отделение!» – вспомнил он. Старики шутили: «Калмычков цепкий, как легавая...» А ему нравилось! По нем работенка. Не в бумажках копать, хотя и этого хватало. Землю рыл, ноги до задницы стирал. Тогда еще считалось, что задача ми-

лиции – ловить преступников. Он и ловил. То есть, рылся в помойках, промерзал в засадах, погружался на такое дно человеческих отношений, о котором прежде не догадывался. Осваивал азы.

Под нож случалось лезть, под пулю. Пер напролом, назад не оглядывался. Твердо верил: сзади свои! Сзади скала! Машина по имени Уголовный розыск, одетая в Закон, Правду и Справедливость. Не подкачает, не сдаст! Если, что – и другие помогут. И соседний район, и ГУВД. Москва, если надо. Только свистни – прикроют!

Везло дураку, жив и невредим остался. Молодым себя ровно год ощущал. На второй год – учился пить, чтобы глупых вопросов не задавать. Про Правду и Справедливость. А на третий он твердо знал: никакой скалой его оперская задница не прикрыта. Сказки и детективная литература. Опер мало кого заботит. Мясо, в смысле – расходный материал.

У всех свои интересы. В родном уголовном розыске и в соседнем, и выше, выше, до самого МВД. Основных интересов два, с нюансами и вариантами: бабла срубить и карьеру сделать. Эти интересы важнее любых государственных и межпланетных. И работать надо так, чтобы чужих интересов не зацепить, а то, не дай Бог, кто-нибудь на твои наступит. Тут УПК не советчик, и УК нужно применять с умом.

Ходить лучше осторожно, как по минному полю. Нечаянно зацепишь участкового на поборах с ларьков, а потом вдруг окажется, что он чей-то племянник, и долю наверх по-

сылает. Тут тебе раз, и по самые помидоры! За что – всегда найдется. Да, что там участковый, на любой благодетельности сгореть можно. И от наркотиков – как от чумы бежать надо. Такие айсберги!

Он научился работать автономно. Сам за себя. В чужие дела не соваться. И людей своих придерживать. Когда стал начальником уголовного розыска отделения, половина рабочего времени уходила на разругивание «грехов» подчиненных. Но проскочил. В академию ушел и за спиной врагов не оставил. Потому, что не лез в чужие дела.

И вот надо же! Носом ткнул его Перельман в эту парашу: «Ищи утечку информации!» А собственная безопасность на что? Время на дворе – какое?! Кого, сейчас, правда и справедливость интересуют?

Начало его карьеры пришлось на пору скандалов с изживанием правдоискателей. В 90-х то тут, то там кто-нибудь не вписывался в общий развал. «Качал права», вдохновленный словами про свободу и демократию. Думал, что только его начальник – мудака и бездельник, а вокруг – спасительная «скала», которая прикроет честного мента, не даст в обиду. Некоторые письма Ельцину писали, открывали глаза.

Повезло тем, кого из органов просто турнули. Кто-то сел, кого-то в «дурку» свезли. А кого и на кладбище. Зато система сплотилась и окрепла. Прониклась рыночными отношениями. Сменила бывшие принципы на противоположные и бодро зашагала в новое тысячелетие. Милицционеры кончи-

лись. Менты стали ездить на дорогах иномарках, покупать квартиры и шмотки. Как вся страна.

«А что вы хотите? Будете Советский Союз дербанить, совестью и властью торговать, а мы на это смотреть и в ладоши хлопать? Ремни потуже затянем, и у каждой дырки в заборе на посты встанем?

Хрен вам! Мы тоже советские люди. Претендуем на долю! У нас тоже кусочек власти имеется. На продажу. Или информации, как в данном случае. Кто на чем сидит».

Калмычков себе не враг. Его не трогают, а он чужие кормушки ломать побежит? Даст повод в своих делах покопаться. Накося – выкуси!

«На гражданку, Коля, на гражданку! По собственному желанию. Служил как вол, а тебя... Рановато, конечно. Еще потянул бы, до пенсии....

В конце концов, что он теряет, уходя? Еще одну звездочку? Так за звездочки теперь не служат. Может, осталась в МВД пара старожилов, которые пришли в милицию не бабло рубить. Случалось такое в прошлом веке. Но Калмычков не смог бы назвать ни одного своего сверстника, для которого служба в милиции была чем-то другим, кроме источника дополнительных доходов. Как ресторан для шустрого официанта. Нет, говорить, конечно, можно всякое, но по факту... За что держаться? За сосущую госбюджет систему, в разы больший теневой бюджет поднимающую наверх, с использованием Закона, как орудия преступления? Так деньги Кал-

мычков научился зарабатывать и без нее... Престиж? Уважение?.. За что уважать? За работу? Бандитов, мол, победили в девяностых годах. Так не выловили и не посажали, а победили в конкурентной борьбе, заменили собой – структурой более эффективной в деле крышевания и вымогательства. Стали круче бандитов. Не за что ему держаться. Уходить надо без сомнений. В органах перспектив у него не осталось. А на гражданке еще развернется, будет уважаемый бизнесмен. Избавится, наконец, от занозы в душе, от подспудного несогласия с двусмысленностью ментовской жизни. Ну, не смог он убедить себя за тринадцать лет, что все это хорошо и правильно. Смирился со способом существования, но душой не принял... Что ж, попробуем жить иначе...»

В таких раздумьях просидел Калмычков до обеда. К генералу не пошел. Бессмысленно и унижительно. Перекусил в столовой, дотащился до своего кабинета. Закрыл дверь на ключ и, порывшись в шкафу, нашел недопитый Женькин «Хеннесси», а к нему – засохшую жопку лимона. Нацедил коньяк сразу в три рюмки и одну за другой хлопнул. Дождался, когда тепло потечет по жилам. Взял чистый лист бумаги, ручку, приготовился писать рапорт об увольнении.

К чему тут особо готовиться? Формулировка стандартная: три строчки, число и подпись. Особенно удалась ему подпись.

Только закончил, положил ручку, как в дверь тихонько постучали.

– Кто там, такой вежливый? Обеденный перерыв! – крикнул он грозно, но все же встал и открыл. За дверью стоял генерал Арапов, начальник их с Перельманом Управления.

– Здравствуйте, Калмычков, – поздоровался генерал.

Калмычков посторонился, пропуская его внутрь. Арапов обвел взглядом крошечный Калмычковский гадюшник. Пустая бутылка с шеренгой рюмок, и лежащий рядом рапорт составили центр композиции.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – запинаясь от гротескности ситуации, проямлил Калмычков. За полтора года службы в Главке он видел Арапова только на торжественных мероприятиях. Ни разу не говорил с ним лично. Впервые генерал заглянул в его кабинет и, надо же, в самый неподходящий момент.

Генерал поднял за уголок Калмычковский рапорт, пробежал по нему глазами и, скомкав, бросил в переполненную урну.

– Так, примерно, и представлял вашу реакцию, когда говорил вчера с Перельманом. Рад, что не ошибся. Садитесь! – жестом показал он Калмычкову на его кресло, а сам присел в гостевое. – Что-то еще понимаю в людях. Не все, конечно.

Калмычков примостился на краешке, молчал и смотрел на генерала. Впервые он видел его так близко. Высок, худ, приметен снежно-белой седой шевелюрой. Так виделся он из актового зала, когда заседал в президиуме. Теперь Калмычков разглядел усталые серые глаза, бескровные губы, сеть

невидимых издали мелких морщин, плотно затянувших впалые щеки. Вблизи генерал оказался другим. Впечатление, как от встречи со старым артистом, вышедшим на публику без грима.

– Удивлены визитом? – спросил генерал, закуривая.

– Еще бы! – ответил Калмычков. – Не замечал, чтобы вы ходили по кабинетам мелких клерков.

– Не прибедряйтесь, Николай Иванович. Разве вы клерк? С вашим опытом и послужным списком. Ценю вас, как полезного для дела сотрудника, – генерал разглядывал Калмычкова. – Не мельтишите, глаз не отводите – не боитесь, стало быть, начальства?

– Н-не знаю. Неожиданно, как-то...

– Вот и не бойтесь, иначе разговор у нас не сложится. Бутылку-то, уберите, заглянет кто ненароком. Подумают, что у меня свой коньяк кончился.

Калмычков смахнул посуду и уже с меньшим напряжением уставился на генерала.

– Сначала о самоубийстве, – сказал генерал. – Копии протоколов я читал. Мне докладывают о ходе расследования. Вчера, вот, видео принесли. От вас хочу услышать: что «не так» в этом деле. Что протокол упускает?

– У меня крайне мало информации, товарищ генерал. Я прибыл туда через четыре часа после опергруппы.

– Не понял!? Где вы болтались столько времени? – возмутился генерал.

– Я не болтался. Получил приказ от начальника отдела по телефону примерно в двадцать два двадцать.

– Тем более не понял! Дежурный по ГУВД озадачил меня в девятнадцать. Я проинструктировал начальника Центрального РУВД. Минут пять на это ушло. Потом решил подстраховаться и приказал Перельману отправить вас. Он что, паршивец, так долго со своими московскими кураторами советовался? – Генерал закурил вторую сигарету, едва раздавив в пепельнице окурочек первой. – Значит правда, журналистов неспроста нагнали. Хотели нам гадость подсунуть. И подсунули. Выходит, дельце с душком. Кто-то ноты написал, остальные сыграли. А Перельмана, думаю, мне не с руки давать, после того, как Полищука сняли. Правильно думают...

– Кто думает, товарищ генерал? – осторожно спросил Калмычков.

– Козлы всякие, Калмычков, козлы. Давайте дальше.

– Журналист этот, с кассеты. Почему он так поздно снимал в квартире? Присутствовал с самого начала. Внизу, когда труп выносили. А съемку в квартире вел через три с лишним часа, перед моим приездом. И когда он карту памяти с камеры самоубийцы переписал? Копнуть бы это Центральное!.. Но я не буду.

– Думаю, все-таки копнете, – сказал Арапов.

– Нет, товарищ генерал, ассенизаторы в другом управлении служат, – уперся Калмычков.

– Не кипятитесь, я же не Перельман, ловушек не ставлю.

Задачи, бывает, несколько решений имеют. Посылать вас в РУВД со служебным расследованием – глупое решение. Лапши по ушам развешат. Репутацию сломаете и врагов наживете. Так ведь?

– Так, товарищ генерал, – согласно кивнул Калмычков.

– Я помогу. Есть другое решение... Внутренний телефон этот? – Генерал пододвинул к себе аппарат и набрал номер собственной секретарши. – Таня, найди начальника Центрального. Он скрываться будет, но ты достань и срочно ко мне. Живого или мертвого! Лишь бы слушать еще мог.

– Думаете, расколется? – засомневался Калмычков.

– А мы ему гамбит устроим. Заставим из двух зол выбрать меньшее. – Генерал усмехнулся. – Получится, с вас пузырь! И в дерьме не вымажетесь, и шефу будет что доложить. Но я не за этим пришел, – продолжил генерал. – Это так, ответ на ваш рапорт. Есть у меня разговор интереснее. Хочу позвать в одно дело. Вы – как?

– Не ларьки по ночам грабить, надеюсь? – съязвил от удивления Калмычков.

– А ларьки – не устраивают?

– С вами – на любое дело, товарищ генерал, но хотелось бы конкретики... – От удивления Калмычков не успевал обрабатывать информацию.

– Будет вам конкретика, – сказал генерал. – Служебного регламента для таких предложений не предусмотрено. Приглашаю ко мне на дачу. На шашлык. В субботу. Часов в две-

надцать, устроит?

– Спасибо за приглашение, товарищ генерал. Чему я обязан?.. – совсем «офигел» Калмычков.

– В субботу поговорим и об этом. В общих чертах – дело хорошее. Без криминала, но польза очевидная, и для ГУВД, и в целом... Решение, повторяю, за вами. Не приедете – на службе не отразится.

Генерал вышел, а Калмычков долго сидел, боясь спугнуть удачу. Да что там удачу – чудо, которое только что видел своими глазами. «Не приснилось же?..»

Сам по себе визит генерала, который людей ниже начальника отдела не замечает вовсе, сам визит уже намекает на то, что его из толпы выделили. Неважно почему! Скорее всего, в собственных корыстных интересах. Используют, как презерватив, и выкинут. Конечно, так и будет.

Но шанс, один из тысячи, у него все-таки появился. Не дурак же он, в самом деле. До Главка дослужился. А дальше? Все хорошие карьеры только так, с элементом чудес и строятся. Из грязи – в князи!

«Что генерал про «взять в дело» намекнул? Надо взвесить, просчитать. Дров бы не наломать. Взлетишь высоко, с чужой помощью, а потом как долбанешься о землю, костей не соберешь. Сколько хочешь примеров. Может, все же, си-ница в руке?»

Калмычков достал из корзины смятый генералом рапорт, разглядел его и перечитал.

«Из-за мудака Перельмана тринадцать лет жизни – коню под хвост?»»

Маятник его предпочтений застрял в мертвой точке врожденной осторожности и здравого смысла. Но сил удержать его почти не осталось. Слишком активно притягивал противоположный полюс – честолюбие, спортивный азарт и жажда всего: славы, власти, самореализации, в конце концов.

Здравый смысл оказался сильнее. Калмычков решил не мучить себя бесплодными раздумьями, остыть, подсобрать информацию, тогда уже и решать. Почти двое суток у него в запасе. «Заодно посмотрим, как генерал с Перельмановым заданием поможет. Может, фуфло все, пустые слова?»»

Товарно-денежные отношения

21 октября, пятница

Генерал не шутил! Не тот человек.

Прошлый вечер Калмычков потратил на обзвон людей, которым доверял. Выведывал, что за птица генерал Арапов.

Самым осведомленным оказался бывший начальник отдела полковник Полищук – Макарыч, которого ушли на пенсию, чтобы освободить место Перельману. Много рассказал. И других людей Калмычков спрашивал, которые видят мир с иной точки зрения, нежели профессиональные милиционеры. Кое-что поведали.

По всему выходило, генерал – человек влиятельный и надежный. Но старого пошиба. За ним какие-то заслуги, еще в восьмидесятых, в Москве. Там же хорошие связи. В ГУВД он последний мамонт, который помнит, как должна работать милиция. Тем и хорош и плох одновременно. Самого начальника ГУВД иногда на место ставит. Тот терпит, но зуб, конечно, точит.

Вооруженный информацией, Калмычков прибыл утром на службу.

Едва сделал несколько телефонных звонков, как в каби-

нет, постучав, протиснулись трое офицеров, из которых он сразу признал только капитана Егорова. С ним майор и старший лейтенант.

– Товарищ подполковник! Майор Савельев, начальник уголовного розыска Центрального РУВД, – доложил майор. – Прибыли по приказанию начальника РУВД. Со мной капитан Егоров и старший лейтенант Поляков.

– Хорошо, что прибыли, – сказал Калмычков. Зачем они прибыли, он только смутно угадывал. – Присаживайтесь! Слушаю вас.

Майор заерзал в кресле, не зная как начать.

– По поводу неувязочки с журналистами. Это... Про самоубийство на улице Достоевского.

– Смелее, смелее! – поняв тему, напустил строгости Калмычков, – рассказывайте, как обделались.

– Нам гарантировали, что не под протокол, – встрял Егоров. – На словах, для пользы дела.

– Видел я ваши дела. В телевизоре помелькать захотелось? Мне песни пели: «Никаких журналистов!.. Участковый внизу держал...»

– Если б генерал нашего за горло не взял, – взъерепенился Егоров, – стал бы я рассказывать. Своими руками крючок в задницу вставлять.

– Егоров, не хами! – одернул подчиненного майор Савельев. – Сказано: без протокола! Хочешь неприятностей на РУВД?

Постепенно Калмычков въехал. Вчера генерал предложил начальнику Центрального РУВД выбор. Или засылает к нему УСБ с проверкой всего, чего можно, или виновные в торговле информацией по конкретному случаю колются Калмычкову без протокола, для выяснения подоплеки возни, которая вокруг это дела затеяна. Наказаний не будет, но выводы, конечно, следуют.

Не без труда, изо всех сил напрягая в себе хитрого следователя, Калмычков выявил за полчаса картину торговли информацией в Центральном УВД. Собственно, она ничем не отличалась от торговли в любом другом районе, да и в самом Главке.

Всего за сто баксов капитан Егоров позволил поснимать квартиру, где произошло самоубийство. Еще за пятьдесят – дал короткое интервью. Старики Самсоновы «выступили» за триста рублей. «И были счастливы!» – не преминул вставить Егоров.

На вопрос Калмычкова, почему журналист не в девятнадцать-двадцать часов, а гораздо позже произвел съемку в квартире, Егоров ответил, что, от кого попадая, денег не берет, а этот репортер оказался умным и за пару часов раскопал людей, которым Егоров отказать не может.

Так же примерно, плюс за две сотни баксов, журналист раскрутил старшего лейтенанта Полякова на копирование карты памяти из камеры самоубийцы. Прокурорского сообщника Поляков не выдал. И Егоров не очень откровенни-

чал.

«Я бы на бабло не позарился, да у тех людей за яйца подвешен, – признался Егоров. – Их, конечно, не застучу, но люди наши, милицейские. Распоряжение выполнил, и немного при деньгах».

Поляков добавил: «Деньги вернем, только не все. Часть наверх пошла. Не просить же обратно».

Почему журналистов собралось так много, так быстро, и кто за этим стоит, «орлы» не знали. Калмычков отпустил их и начал было строчить отчет для Перельмана, но одумался и следов на бумаге решил не оставлять.

Выслушав устный доклад, Перельман требовал принятия мер и наказания виновных, опять плевался слюной, пока не сообразил, что законных оснований под его требованиями нет и даже начальнику Центрального РУВД он по субординации – никто. Попыхтел немного и сдулся.

«Где планируете умирать?..»

22 октября, суббота

«Странная осень в этом году: сентябрь – суше августа, и в октябре всего два-три дождика. И тепло. Не по-питерски, – удивлялся Калмычков, летя по сухому Выборгскому шоссе. – Сглючил мир, перевернулся. Погода в том числе».

Кто отвечает за смену времен года? Есть, ведь, кто-то. Или на небе демократия?

Похоже, этот «кто-то», получив от начальства «втык» за вчерашний мягкий день, а может, и за всю нетипичную осень, пересмотрел свое отношение к работе. Ночь ушла у него на раздумье. Обещанное предупреждение о неполном служебном соответствии притушило кураж. Одумался, встал на путь исправления.

Сегодняшний день выдался солнечным, но уже ветреным и холодным. В рамках должностных инструкций. Осень будто опомнилась, что задержала бабье лето на неприлично долгий срок. К утру сменила южный антициклон на северо-западный, сметая багрянец лесов злой секущей метлой полярного ветра.

Солнце прогрело салон машины, и пока Калмычков пет-

лял по улицам дачного поселка, не ощущал перемену погоды. Но только вышел, чтобы постучать в зеленые ворота генеральской дачи, как резкий ветер дохнул запахом снега, заставил по самое горло застегнуть молнию джемпера и куртки.

На стук не откликнулись. Калмычков постучал еще раз, прикидывая, удобно ли заорать на всю улицу: «Эй, хозяева!» Кричать не пришлось. Лязгнули засовы, и сначала одну половинку, а затем вторую, раскрыл невзрачный мужичок.

– Калмычков Николай Иванович? – спросил он, щурясь и прикрывая ладонью глаза.

– Он самый.

– Ждали вас к двенадцати, а сейчас половина первого. Я в сараюшке ковырялся, не услышал, что тарабаните. Проезжайте! – махнул он Калмычкову, а сам закричал в сторону дома, – Серафим Петрович! Приехал!

С крыльца уже спускался, поспешая, генерал в спортивном костюме. Калмычков едва успел въехать на территорию и заглушить машину, чтобы, выйдя из нее, угодить в широко расставленные объятия.

– Заплутали, Николай Иванович? Немудрено. Здравствуйте. Проходите.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – Калмычков, не стал подыгрывать. «Чего Ваньку валять».

– Мы не на службе, – генерал обнял его за плечи и повел по дорожке. – Я вас к себе домой пригласил, окажите любез-

ность, будьте со мной на одной ноге. Серафим Петрович меня зовут. И никаких званий, пожалуйста.

– Слушаюсь, товарищ... Простите, Серафим Петрович.

– Веня! – окликнул генерал мужичка, что открывал ворота. – У тебя все готово?

Тот утвердительно кивнул головой, и генерал повернул на тропинку, ведущую в глубь участка. Ему хорошо удавалась роль гостеприимного хозяина, показывающего дорогому гостю, что где посажено, какая постройка для чего предназначена. «БДТ по тебе плачет», – съехидничал про себя Калмычков.

Дача не произвела на него впечатления. Даже разочаровала. Совсем не генеральская дача. Лет пятнадцать назад она, возможно, тянула на такой статус. Но время не стоит на месте. Сегодня любой хозяин пяти ларьков имеет дворец, рядом с которым двухэтажный, под крашеной вагонкой, домик генерала, выглядит бедно и неухоженно.

«Участок, конечно, большой – с полгектара, но рук и денег в него не вложили», – оценил Калмычков. Он планировал следующим летом купить землю на Валентиново имя. Отчетливо представлял, что и как построит, присматривался по дачным местам.

Можно было и в этом году начать, но затянулись «бои местного значения». Чем это кончится? Непонятно. Браться за обустройство семейного гнезда в обстановке неопределенности он не решился.

Генерал, судя по всему, дачей не занимается, тоже в семье что-нибудь не так. Женской руки не видно. Никаких современных прибабасов: гномиков, качелей.

– Такой вот уголок для отдыха, – закончил экскурсию генерал. – А у вас, Николай Иванович, дачка где?

– Я житель каменных джунглей, – отшутился Калмычков.

– И не планируете?

– С моей зарплатой много не напланируешь, Серафим Петрович.

– Да-да. Зарплаты в ГУВД – не разгуляешься, – посочувствовал генерал. – Но довольно о грустном. Приглашаю попариться! Веня замечательно баньку истопил.

– Я утром душ принял... – заартачился Калмычков.

– Душ – для чистоты тела. А баньку в субботу сам Бог велел, для души. Не упрямитесь, Николай Иванович! Попаримся, грехи смоем, тогда и о делах поговорим.

Пришлось Калмычкову подчиниться. Но пару маячков на оставшейся в раздевалке одежде он соорудил.

– Веником владеете? – спросил генерал, выбирая среди душистых, распаренных орудий пытки подходящее для себя.

– Приходилось...

– Тогда – вперед!

Парились умело, со вкусом. Между расспросами о семье, о службе в ОВД и Главке, Калмычков понял, что разговора в баньке не будет. Посмотрели на него, на предмет микрофонов и видеокамер, а остальное так, для снятия напряжения.

Он угадал. Когда напарились, отдохнули и, совершив заключительное омовение, вернулись в раздевалку, маячок, что попроще, из пряжки брючного ремня, показался не тронутым. Приглядевшись, понял – тронули, но заметили и восстановили. Хватило квалификации. А второй, хитрый, маячок, из пуговицы и складки рубашки, не оставил сомнений – «прошмонали» качественно. Если на даче никого кроме генерала и Вени нет, то кто же он – этот Веня – специалист широкого профиля?

После бани разомлевшего Калмычкова, и впрямь как грехи с души смывшего, генерал потчевал на открытой террасе чаем. Терраска устроена умно. Холодный ветер в нее не задувает, а солнышко греет, во всяком случае, в это время дня и в это время года.

Вениамин соорудил шашлычок. Украсил стол блюдом с зеленью и помидорами, с ловкостью официанта разлил по бокалам вино. Калмычков оценил и вино, и выставленный попозже коньячок, которым не злоупотребили, а только придали обеду законченность, с плавным переходом к кофе.

Культурную программу вел генерал. Разговор перетекал с политики на анекдоты, потом на женщин, не заходя, впрочем, дальше шуток про легендарные стринги секретарши «самого». А потом, под коньяк, обозначились схожие взгляды на тонкости розыска, на политику МВД, которая, оказалось, одинаково их не устраивает.

Искусством анекдота генерал владел мастерски. Калмыч-

ков смеялся как ребенок.

Через полчаса задушевной беседы исчезли пожилой генерал и «салага» подполковник. Простые, без задней мысли, мужики. Кушают, пьют и смеются. Калмычков упустил момент, когда размягченный баней и гастрономическими утехами разум перестал играть роль тренированного цепного пса, стерегущего мысли хозяина от чужих проникновений.

Попили кофе, и только тут он заметил, как ловко генерал усыпил все его уровни защиты. Генерал спросил: «А не выкурить ли нам по сигарке?». И Веня тут же притащил коробку «Коибы».

«Все знает! – восхитился Калмычков. – Как кошка с мышонком играет. Ай да умница! Ай да генерал! Просчитал меня по полной программе. И главное, похоже, впереди».

– Не удивляйся, Николай... Можно я на «ты» перейду? В два десятка лет – разница. Спасибо. Ты кури, кури. Я тоже побалуюсь, – генерал раскурил сигару, но было ясно, что делает это больше за компанию. – Конечно, знаю, какие ты любишь. Уж извини. Прежде, чем в гости звать, надо к человеку приглядеться.

– Давно приглядываетесь? – спросил Калмычков.

– Я – второй час. А Макарыч еще в прошлом году тебя рекомендовал, – ответил генерал.

– И Перельман приглядывается? – Калмычков попытался разозлиться, но после приятного застолья не смог.

– Перельман – тема отдельная. О нем позже. Сейчас, все

внимание к тебе.

– Почему? – спросил Калмычков.

– Впечатление производишь хорошее. Макарыч не ошибся. – Генерал говорил спокойно, нейтрализуя калмычковские попытки «обострить». – Теперь и я убедился. Считаю, что в обойму тебя брать – решение правильное.

– А меня спросили, хочу ли я в вашу обойму? – ершился Калмычков.

– Тебя еще рано спрашивать. Ты понятия не имеешь, куда зовут, – сказал генерал.

– Намеряли позавчера, что не ларьки...

– ...И не грабить, – подхватил с улыбкой генерал. – Не бойся! Криминалом под крышей начальства заниматься и без тебя охотников хватает.

– Тогда зачем?

– А затем, Николай Иванович, что подходишь. Умный, самостоятельный, выдержка хорошая. И опыт правильный – не в писарях сидел. Уже таких – большой дефицит, – генерал оставался приветливым и спокойным. Только теперь не отводил взгляда от глаз Калмыčkова. Очень его интересовали реакции. – Удивляюсь, как «Контора» тебя проглядела. У них хороших кадров – днем с огнем... Я проверял, ты чистый.

– Я, Серафим Петрович, потому и чистый, что в команды не вхожу. Не хочу от чужих грехов отмываться. Я никого не подвел, и меня никто не подставил, – Калмычков слегка наг-

лел. Он не напрашивается!

– Гляди ты, какая умная философия!.. – протянул генерал.

– И менять ее не планирую! – гнул свое Калмычков.

– Молодец, Николай! Умный, он и в Африке – умный. На это и расчет, что хватит ума оценить ситуацию. Пойдем, – генерал выбрался из-за стола, – пойдем, я тебе сначала обрисую, чем ты подходишь нам, а потом и предложение сформирую. Решать тебе.

Веня накинул генералу на плечи пятнисто-голубой милитейский бушлат. Генерал поправил его и сказал, глядя Калмычкову в глаза:

– Правда, решение у тебя – заведомо одно. Сильно не обольщайся.

Калмычков не сумел скрыть недовольство таким поворотом.

– Не напрягайся, Николай, – генерал хлопнул его по плечу. – Еще предложения не слышал. Пошли, прогуляемся по бережку. Авось не продует.

Они вышли через калитку в заборе, минут десять петляли меж чахлых сосен, пока не оказались на берегу залива. Широкая полоса галечника, обильно сдобренная валунами, убегала вдаль километра на два и терялась за крутым изгибом, превращаясь в мыс. На мелководье разлеглись валуны, даже более крупные и живописные, чем на берегу, пенили набегающий прибой.

Погода не тянула на прогулочную. При ярком солнце, нырявшем ненадолго в облака, колючий ветер гнал штормовую волну. Генерал застегнул бушлат на все пуговицы, а Калмычков, так и не изловчился спрятаться от ветра, в опрометчиво одетой курточке, с символичным названием – «ветровка». К счастью, генерал знал места, и немного пройдя вдоль воды, они свернули в прибрежный сосняк, где ветер не так зверел. Вполне приличное место, если не обращать внимания на следы пикников.

Присели на выбеленный временем остов сосны, уперлись спинами в растопыренные обрубки сучьев. Генерал достал сигарету и протянул пачку Калмычкову. Тот отказался. Генерал убрал пачку в карман и выдержав паузу, начал рассказ.

– Макарыч позвал тебя в ГУВД не случайно. У нас, ведь как? Чуть потеплее местечко, стараются своего пристроить. Брат жены, шурин тещи... Ты знаешь... – Калмычков согласно кивнул. – Эффективность кадровой политики нулевая, но тронуть никого не моги. Как слипшиеся пельмени. И съесть этот ком невозможно, и пельменину не отщипнешь. Сцепились и держатся один за другого.

А тут Макарыч, года два назад, приходит и рассказывает: «Попался мне майор, который до начальника отделения дослужился, и ни с кем не повязан». Я, конечно, не поверил. Так не бывает! А он: «Приличный майор...» – говорит. Я велел приглядеться. Он полгода тебя изучал, потом еще год, в Главке. Ты его очаровал. Пугала незапятнанная репу-

тация. Такая у нас страна: если человек мало пьет или ничего не украл – подозрительно выглядит. Решили по полной схеме твой боевой путь прошерстить. За две недели Макарыч управился. Оказалось, человек ты нормальный. Только умный, изобретательный и хитрый. Перспективный для дела мужик!

Правда, раз я в тебе чуть не разочаровался. Когда Макарыча снимали. Даже я не мог помешать, заказ был московский. Но рапорта писал. Думал и ты, как «глас народа», обозначишься. Напишешь что-нибудь в защиту, на словах поскандалишь. Благодетель он твой был. И в общении у вас полное взаимопонимание. А ты – ни гугу... Струсил? Потом только понял: и здесь ты умен оказался. Мне дружок мой московский материалы прислал, которые их комиссия на Макарыча состряпала. Вижу: в четырех докладных, объяснительной записке и отчете за полугодие (все за твоей подписью), ловко так обстоятельства представлены, что по статьям, по которым Макарыча под суд подвести пытались, он ни при чем. А с тебя, офицера нового и неопытного, надо бы спросить по полной строгости, да нечего. Ты их не интересовал, а Макарыч пенсией отделался.

Я тебя зауважал! Начни с рапортами бегать, кто потом всерьез в эти документы поверит? Молодец!.. А место его занять – лелеял мечту? – спросил генерал.

– Не то чтобы лелеял, было немного... Здоровый карьеризм, – ответил Калмычков.

– Зря. Не для того Макарыча сняли. До меня дотянуться не смогли. Пока. А человек им свой позарез нужен. Знаешь, кто будет начальником Управления после меня?

– Не может быть! – возмутился Калмычков. – Перельман дилетант.

– Кого это волнует. В эпоху всеобщего похеризма... – Генерал снова выдержал паузу. – Давай о тебе закончим. Что мы имеем? Пока ты опером бегал, потом начальником уголовного розыска, включая академию – все как у людей. Не выпячивался и героя не строил. Прикажут взять – брал, прикажут поделить – передавал. Дела возбуждал по указке. По указке и херил. Палки выбивал... Так?

– Так... – кивнул Калмычков.

А генерал продолжил.

– Только став начальником отделения, ты позволил себе заработать. Макарыч раскопал, кто рынок постельных услуг в районе под себя завернул. Мало завернул, укрепил и расширил. Без разборок и трупов. Или были трупы, только концы обрублены? – спросил генерал.

– О чем вы, товарищ генерал?... – слабо трепыхнулся Калмычков.

– О проститутках, Коля. О самом рентабельном, после наркотиков, бизнесе. Не представляю, как тебе удалось протащить схему дележа доходов по бандитским структурам. При этом сохранить жизнь и самостоятельность. Раз сумел, и они согласились, значит, очень не дурак! Эти ребята делить-

ся не любят. А ты не на откате, в деле присутствуешь!

Калмычков уставился в одну точку и тупо разглядывал муравья, ползущего по травинке. Генерал помолчал и продолжил крушить его прошлое, настоящее и будущее.

– Оболочку я понимаю: на теме сидит их «бычок», твои интересы представляет Привалов. Тебя не видно. Предъяву ни менты, ни бандиты не выставят. А что внутри? Какие нити держишь? Как ты это провернул? Поделишься опытом? – Калмычков угрюмо молчал. Три года упорной работы летели в тар-та-ра-ры.

– И с бабками, – сказал генерал, – не светишься. Личные расходы под копеечку с зарплатой сходятся. Денежки в обороте?

«Как примитивно! – с тоской думал Калмычков. – Губу раскатал: в дело зовут. Поделиться предлагают!» Так паскудно он себя давно не чувствовал. Душу ветром выдуло.

– Чего вы от меня хотите? – спросил он механически, с полным равнодушием к предмету.

– От твоего бизнеса – ничего. От тебя – полной самоотдачи! – ответил генерал.

Калмычков непонимающе уставился на него.

– Я предупреждал: выходов у тебя – не два. На «оборотня в погонах» уже хватает, – принялся объяснять генерал. Он не отрывал взгляда от глаз Калмыčkова. Что надеялся в них увидеть? Ясно, что. То же самое, что высматривал Калмычков в глазах уличенных преступников, судорожно реша-

ющих, колоться «под тяжестью» или пока потерпеть. Генерал работал безотказными милицейскими приемами.

– «Оборотни», это дорожка тех, кто старших не уважает. Дури у них много, а ума нет, – генерал изменил тон на дружески-участливый. – Ты не такой. И твоим мозгам есть применение. Или на проститутках хочешь всю жизнь сидеть?

– Теперь, как понимаю, не придется, – криво ухмыльнулся Калмычков.

– Да ради бога! – всплеснул руками генерал. – Дорос до подполковника своим умом, и славно. Но дальше ты никому такой самостоятельный не интересен. Дальше – открытое море. Бездонные глубины, где за камушек не спрячешься. Тут ходят рыбы с большими зубами! У них аппетит – акулий. Можешь, конечно, барахтаться у бережка. Но разве это твой уровень?

– Вы намекаете, товарищ генерал, что я имею шанс стать акулой? – спросил недоверчиво Калмычков.

– Имеешь, – ответил генерал. – Придется, конечно, поплавать в стае, пока подрастешь. А там, как судьба. Я только из лужицы тебя вытащу, в стаю открытого моря внедрю.

– Что взамен? – спросил Калмычков. – Бесплатный сыр, сами знаете...

– Работа, – ответил генерал. – Принцип взаимной выгоды. Мы помогаем тебе, ты – нам. Никаких клятв и взаимных обязательств. Выгодно – сотрудничаем, нет – разбежались.

– Недалеко убежишь на короткой цепуре, – усмехнулся

Калмычков.

– Я тебя проституток обирать не посылал... – развел руками Арапов.

– Понятно все, товарищ генерал, в прошлом. Расскажите о будущем.

– «Будущее светло и прекрасно...» – выдал цитату генерал. – Так, кажется, изгалялись классики? Под эту байку половину русских людей в прах превратили, а ума не нажили. Все мечтают.

– О ком вы, Серафим Петрович? – не понял Калмычков. – Мечты давно по боку. Лозунг дня: «Лови момент!» Любой ценой набить карманы.

– Об этом и говорю: дураками были, дураками остались. Перед революцией глупыми идейками тешились, тянули одеяло каждый на себя. Идейки им дороже России были. Так и просрали матушку. А без страны и сами в пыль обратились. Сегодня – те же грабли, в тот же лоб! Рвут с родимой последние лохмотья, а срамное место лоскутком демократии прикрывают... – сказал генерал. – Умнеть пора! По кругу ходим. Как бычки на веревочке. Страну теряем. И людей! После революции десяти миллионов не досчитались, а демократия в сотню может обойтись. Без лучших территорий уже остались.

Калмычков помалкивал. Поворот генеральской мысли ошарашил его неожиданностью. Не до высших сфер. Еще не растаяла горечь разоблачения, не окрепла просевшая под

ногами почва. А тут – политика!

– Сколько лет грабеж продлится? Под сказки о реформах. Ну – пять, ну – десять... А потом, обрыв? Без науки, обороны и сельского хозяйства в этом мире самостоятельно не живут. Чтобы завтра стало хорошо и правильно, надо сегодня делать правильные дела, – говорил генерал. – А если наоборот: пятнадцать лет врешь, воруешь и ломаешь, то скоро в развалинах будешь лебеду кушать. Если новые хозяева позволят.

– Какие развалины, товарищ генерал? Стройки кругом! – не согласился Калмычков. Он не любил отвлеченных построений. Мода, политика, религия – не входили в список волнующих его тем...

«Так есть этот Бог или выдумки?» – спросил он у отца в девять лет. Они заканчивали обход музеев для общего развития. После Эрмитажа, Зоологического и Морского посетили Исаакиевский собор. Наблюдали маятник Фуко, бегло окинули стенные росписи. Смысл их был непонятен маленькому Коле, и он пристал к отцу с расспросами. «Сынок, не забивай голову тем, что не пригодится в жизни», – ответил отец. Коля запомнил и постепенно распространил этот принцип на все, что не касалось достижения поставленных целей. Заботившие генерала проблемы, относились именно к этой категории.

– Прагматичное новое поколение? – поморщился генерал. – Ни разу не задумывался в какой стране живешь? Кому

служишь?

– Раньше телевизор смотрел, – ответил Калмычков. – Там спорят, как Россию «обустроить». Так они политики, это их работа. Мне за другое деньги платят. Объявят демократию – будем ей служить, объявят коммунизм – нам какая разница? Лишь бы оклад не снижали.

– Получается, себе служим? – уточнил генерал.

– А кому?

– Эх, молодежь... Этим они вас и берут! Украсили понятие – Родина. Только на футболе поорать: «Россия – чемпион!..» Слепыши! Законы природы нарушаете. Нельзя строить благополучие на зыбком основании. Рухнет! Семья, карьера, спокойная долгая жизнь в тепле и достатке – должны опираться на платформу. Надежную и неколебимую – могучую страну. Державу! Где она? Пшик!.. А политики, чтоб ты знал, уже давно определились с тем, что правильно. Исключительно для себя, – сокрушался о непонятном Калмычкову генерал. – Хорошо, посмотрим на вопрос со стороны шкурного интереса. Ты помирать где планируешь?

– Я?.. Пожил бы еще немного, – не въехал в генеральскую шутку Калмычков.

– Я не шучу. Это серьезный вопрос. Может быть, самый серьезный на сегодняшний день, – не отставал генерал.

– Я не готов ответить, не задавал его себе никогда, – признался Калмычков.

– Как большинство нормальных людей, – генерал смотрел

на него серьезно. Впервые за день во взгляде проступила глубина, до которой не допускают чужих. Настоящие чувства и мысли. – А ты задай! И попробуй ответить.

– Ну... Неплохо жить и помереть за границей, там кладбища, говорят, красивые. В Европе, где-нибудь, или в Америке, – сказал Калмычков.

– Тебе до этой красоты уже дела не будет. А прикинь своими светлыми мозгами, сколько надо заработать, чтобы так прилично сандали завернуть. Домик для семьи, машинка, бизнесишко вшивенький. Сколько? – спросил генерал.

– «Лимон» баксами, не меньше, – очень приблизительно посчитал Калмычков.

– Миллион долларов, по нынешним меркам, сущий пустяк, мелочишка. Ты его быстро наскребешь. Уволишься из милиции и двинешь «за бугор». А бабки-то нелегальные! Как отмоешь?

– Не собираюсь я никуда. Мне и здесь хорошо! – засмеялся Калмычков.

– Хорошо, пока у тебя миллиона нет. Заведутся деньги, так и набегут желающие поделиться. Примеров – половина сводок любого УВД. Что далеко ходить, мы с Макарычем тут как тут. Гипотетически... – сказал генерал.

– «И вечный бой, покой нам только снится...» – Калмычков начал понимать направление генеральской мысли. – Не пустят нас в Европы с криминальными деньгами? Многие уехали. Что, у них – гонорары от лекций?

– Не знаю. Смотри, сколько бывшей братвы до трусов раздели. И в Испании, и во Франции. А в Америке как сажают! Не то что на родине. Министров не жалеют, а мелкоту, вроде нас, пачками. Хоть один «русский» олигарх в Америке живет?

– Да, Серафим Петрович, динамику я вижу, – согласился Калмычков. – От своего ворья задыхаются, наше им – без надобности.

– Помяни мое слово: только тем, кто особенно России нагадил, что-то оставят, остальных за каждый доллар десять раз перетрясут. Оберут естественным ходом событий. Кризис, инфляция... Козыри у них. И приводные ниточки. Все посчитали. Взрастили олигодемократию для разрушения страны. За наш счет и нашими же руками. Единственная «реформа», которая выдает планируемый результат. Пройдем «точку невозврата», и цирк кончится. Всех свернут: и олигархов, и президентов, и умников с телевизора. Продукт потеряет актуальность. И если куча зеленых бумажек еще будет что-то стоять, ее отберут на вполне законных основаниях. Им «пустые» доллары как нож по сердцу. И красивая жизнь у них не для нас приготовлена... – Генерал похлопал Калмычкова по спине. – Так что, Коля, помирать нам придется здесь. В помойке, которую дружно устраиваем.

– Странно слышать от вас такие речи, товарищ генерал. Я думал, наверху только своими делами озабочены, – сказал Калмычков.

– Инстинкт самосохранения и у сволочей просыпается, – генерал разошелся. – Мы, сегодня, страна сволочей, Николай. Вот наше правильное название. Скопище человекообразных особей, одержимых желанием хапнуть. Неважно, что! Что под руку подвернется. Огромных размеров коробка с тараканами. Копошимся... Рвем все, до чего челюсти дотягиваются. И собратьев душим. И коробку почти прогрызли... Посыпемся не сегодня-завтра... Врем и воруем! Что еще делать умеем? «Жигули» и «Волги»? Велосипеды – китайские. Даже тапочки!.. А жить хотим красиво. Но и этого – не умеем. На Запад собрались? Здесь результаты трудов своих жрать придется! Чувствуешь перспективу?

– На наш век спокойной жизни хватит! Люди довольны. Жизненный уровень растет. Капитализм. Кто смел – тот и съел! – возразил Калмычков.

– Этим, кто съел, мы как раз и служим... Должны их по зонам охранять! Но, поскольку рыло в пуху, занимаемся несвойственными функциями, – сказал генерал. – А капитализмом близко не пахнет. Сказка для дураков.

– Где же выход?

– В том и трагедия, Николай, что выхода нет. Тухлую рыбу свежей не сделаешь. Мы прекрасно выполнили задание – стали тараканами. Таких не жалко. На это и расчет. Но, потихоньку, осознание приходит. Его стараются не допустить. Аж из телевизоров выпрыгивают! Разделение идет: на тех, кто здесь умирает и умирать будет, и тех, кому красивое клад-

бище обещано. Мало кто еще понимает, к какой команде относится, но водораздел пройдет здесь. Точно.

– Что-то можно изменить? Не пойму, куда вербуете? – спросил Калмычков.

– Никто тебя не вербует. Ускоряю твои собственные мысли. Год, два и ты до этого додумался бы, – ответил генерал. – Кстати, про кладбища. Обещано – не значит – гарантировано. Перед семнадцатым годом пол-России свободой бредило. Сколько интеллигентов Гражданскую войну пережило? И что они получили, скинув оковы царизма?

– Ну, их, Серафим Петрович! Получили по заслугам... Мне-то что делать придется? И за что продаюсь?.. – не унимался Калмычков. Его тяготили генеральские выкладки.

– Закроем вопрос. Продажный, ты и бесплатно не нужен. Продажных подполковников у нас на дивизию наберется. И каждый из них на твоем месте за счастье посчитал бы оказаться. Но продал бы... – вздохнул генерал. – Тебя из сотен кандидатов выбрали. По ряду параметров. Умных мало, а надежных – практически нет!.. Подозреваем, что ты из редкой породы людей, у которых есть и то, и другое. Очень надеемся. Для больших задач хотим использовать. Если не ошиблись, конечно.

– Звучит интригующе. Льстит. А как с принципом взаимной выгоды? – поинтересовался Калмычков.

– Не прогадаешь! – ответил генерал. – Нам интересно своих людей как можно выше продвинуть. Карьера возможна

головокружительная. По мере подъема, будешь решать наши задачи. Глядишь, через пару лет – генерал в Москве! Еще на меня, старого, покрикивать станешь. Впрочем, карьера – побочный эффект. По сути: страну надо спасти, Россию. Рухнет бедолага, и нас под собой похоронит. Считай, что в основе – шкурный интерес. Круг лиц, озабоченных собственным будущим. Группировка. Клан. Неизбежная болезнь большой структуры. Цель клана – власть. Идеи отдельных членов никого не интересуют. Таких дураков, как я, может, и нет в нашей группе. Каждый ищет выгоду. Какие сейчас разговоры о долге. Но мы понимаем: умирать, а главное жить – предстоит в России. Значит, те, кто ее продает в расчете на красивые кладбища, – враги. Понял?... Хватит с тебя для первого раза. Перевари... – Генерал сказал все, что хотел, и начал, кряхтя, подниматься с бревна. Калмычков вскочил и протянул руку. Арапов оперся о его ладонь своей крепкой «клешней». Нечаянно получилось рукопожатие, скрепляющее договоренность сторон.

– По рукам? – спросил генерал.

– По рукам! – ответил Калмычков.

– Тогда пойдем, по рюмашке. Отметим...

Добрели до генеральской дачи, погрелись коньяком, но разговоров о делах больше не вели.

Он возвращался в город победителем!

Фанфары, литавры, ликующий рев толпы – все атрибуты

триумфа ощущал в себе Калмычков. Торнадо чувств! Победа захлестнула его. Восторг наполнил каждую клеточку тела.

«Сами принесли! На блюдечке с голубой каемочкой. Как в книжке! Могли размазать, в пыль стереть. А они оценили! «Нужен!» – говорят. Конечно, нужен! Серьезные дела могут делать только серьезные люди. Таким я себя и ковал! Год за годом. Не продешевить бы...»

Он летел по темнеющему шоссе, забыв включить фары. «Какая мелочь! Бояться?.. Чего?» Судьба только что послушно склонила головку. «Что прикажешь, хозяин?» Хозяин!..

Он много работал. Он рисковал. По сути – преступник. А вместо кары судьба позвала его на пир. Теперь перед ним безграничный, для избранных, «шведский стол». Все на блюдечках, да с каемочками. Он будет выбирать их как отпетый гурман. В меру и безошибочно. Ни одной не упустит!

Хозяин своей жизни! Он верно понял законы бытия. Не сегодня, а много раньше. Душным июньским вечером восемьдесят восьмого года, когда юный Коля Калмычков, измученный терзавшими его раздумьями, нашел правильный алгоритм существования и записал его в подвернувшейся под руку тетрадке.

«Жизнь – борьба. Она борется со мной. Топчет и унижает. Победит сильнейший. Кем хочу быть я? Победителем!» (Он подчеркнул это слово.)

Должен стать сильным. Слабый обречен на несправедли-

вость.

Добрый беспомощен и смешон. Доброта связывает руки и делает слабым.

Стану сильным, смогу решать сам: что для меня добро, а что – зло.

Только умный силен. Глупец – игрушка в руках других.

Смогу объединить разум, волю и трудолюбие – стану хозяином своей жизни. Стану!»

Так написал семнадцатилетний парень, в последний школьный год. Ему многое пришлось пережить, прежде чем сложилось решение: «Жизнь надо победить!» Слишком больно оказалось наблюдать последствия менее принципиально выбранных кредо.

Сегодня Калмычков пожинал плоды. Он редко вспоминал ту тетрадку. Что в ней? Слова... Он превратил слово в дело. Стал сильным, умным и много работал. Результат налицо!

Судьба покорила, легла и раздвинула ножки.

Он принципиально не включил фары, доехав до дома на одних габаритах.

В небывалом подъеме сил и эмоций он пребывал в этот вечер.

Наплевал на нудеж Валентины. Пропустил мимо ушей надоевшее: «Ксюши опять поздно нет...» Еще по дороге понял, что не сможет унять бушующий внутри ураган.

«Адреналин... Какой там, на хрен, адреналин!» Знавал

он выбросы адреналина, по роду деятельности приходилось. Легкий зуд, этот адреналин, против ощущения собственной мощи, потенции и воли к действию.

«Горы сверну!..»

Он достал из бара гостевую бутылку «Стандарта», налил до краев самый большой стакан и выпил залпом. Оценил на просвет бутылку: «Ни то, ни се...» Прикончил остатки и только тогда задумался о закуске. Зачерпнул половником остывший суп и тупо выхлебал то, что попало в тарелку. Икнул, поднялся из-за стола, прошел в спальню мимо притихшей Валентины и рухнул поперек кровати.

Детство, отрочество, семья

23 октября, воскресенье

Утро пришло тяжелым. Случалось выпивать больше, но голову так никогда не сжимало, будто пытаются с помощью петли и палки. Глаза еле открыл: «Палят водяру, сволочи...»

Больной и разбитый, он выполз около полудня в туалет. В ванной столкнулся с такой же заспанной Ксюней, подождал, пока она чистит зубы и умывается. Разминулись в узком коридорчике, не глядя друг на друга. Мелькнуло в голове: «Какая высокая она для своих четырнадцати лет...» – но додумать о том, когда она успела вымахать, он уже не смог.

Вчерашней радости – как не бывало. Ни сил, ни мыслей, ни чувств. Выжатый и опавший. Расширил сосуды крепким чаем, но облегчения не получил. «Поеду лечиться...» – решил он, кое-как одеваясь. Валентине сказал:

– На полчасика. Поправлюсь пивком.

Но в машине приключилась метаморфоза. Отъехав от дома на пару кварталов, почему-то не остановился у знакомой пивнушки. И головная боль отпустила. Решил: «Дотяну до открытой веранды. Там пиво лучше и воздух свежей...». На перекрестке не успел перестроиться в нужный ряд и про-

скочил поворот. Поток понес его к центру. От езды голова прояснилась окончательно, слабость тоже прошла. «Остановлюсь, где понравится...»

Мелькали пивные, буфеты и рестораны, а нога все жала на газ. Уже прочесал дорогие кварталы на Невском, вернулся на Московский, куда-то свернул в боковую улицу. Потом еще в одну, еще... Жал на газ и поворачивал где придется, пока не уткнулся колесом в поребрик тротуара в незнакомом безлюдном месте. Вдаль уходил кирпичный забор, через который свешивали голые руки-ветви огромные липы.

Он заглушил мотор, вышел из машины. Самочувствие улучшилось настолько, что сознание, освободившееся от регистрации симптомов похмелья, начало замечать кое-что и во внешнем мире.

Тишина. Благодать... Солнце яркое, как вчера, и воздух с ледком. Но ветер утих. День неподвижно-прозрачный, будто отлит из стекла. Таких больше двух за осень не выпадает. И не каждый год. Морозно. Воздух застыл и позванивает слегка, как висюльки хрустальной люстры: «Динь-динь...»

Калмычков огляделся вокруг. Место что-то напоминает. Этот забор он видел раньше. «Если вернуться немного назад...» Щелкнул сигналкой и прошел метров двести в ту сторону, откуда приехал. Забор свернул на перпендикулярную улицу. Правильно! Заглянув за угол, Калмычков узнал и место, и улицу.

«Это кладбище», – понял он. Здесь лежат умершие десять

лет назад родители. «Надо же, занесло», – удивился факту. Как-то слабо удивился, без сопротивления. Будто сам соби-
рался подъехать, да все дела не пускали.

Он вернулся к машине, объехал забор по периметру и припарковался у главного входа. Машин на стоянке не было, и люди, лишь изредка, встречались на аллеях. Калмычков помнил дорогу. Каждый год, в родительскую субботу они с Валентиной приезжали сюда. Вот и знакомая оградка.

Две скромные плиты. Мама не любила роскоши. Когда схоронили отца, купила два одинаковых памятника. Так дешевле. Друзья отца выхлопотали участок на двоих. Папа умер в начале года, зимой. Мама ушла за ним осенью.

«Какое сегодня число?» Взглянул на календарь часов и ахнул: «Годовщина! Опять пропустил!» Сколько раз заставлял себя чтить эти скорбные даты, и всегда в суете забывал. «Прости меня, мама!»

Он поправил цветы (ее любимые хризантемы) и только тут заметил, что могилки аккуратно прибраны. Цветы свежие. В стопке у отцовского изголовья еще не выпита бомжами водка. «Валюта приходила...» – подумал он.

Жаль, что у них не сложилось таких отношений, как в родительской семье. Жаль...

За папой была работа. Все, чем полнился дом, от него. Квартира, «жигуль-шестерка», дача под Сестрорецком. Прочие следы материального благополучия. Старался, как мог. Мать никогда не лезла в его дела.

А мама создала саму их счастливую семью и держала ее на хрупких плечах. Медицински вылизанный быт. Порядок и место для каждой вещи. Вкусный ужин, уютные вечера. Ровные, доброжелательные отношения. И никаких ссор при ребенке!

Ребенок мыл посуду. Ненавидел процесс, но что еще мог внести в копилку семейного счастья? Бегал в гастроном. Помогал убирать. Но главной обязанностью оставалась учеба. Мать шутила: «Один ты у нас, кормилец, будешь в старости. Заканчивай хороший институт, чтобы взяли на хорошую работу. Мы привыкли жить в достатке. Дворником нас не прокормишь...»

Мама ленинградка. В двадцатые годы ее родители приехали большущей семьей из Бердичева. Она не застала блокаду, родилась после войны. Выучилась на врача-гинеколога и всю жизнь проработала в районной женской консультации.

А папа приезжий. Из Сибири. Они никогда не ездили на его родину, и Калмычков забыл, из какого отец города. Знал, что после срочной остался шоферить на стройке. В шестьдесят восьмом рабочие руки были нарасхват.

Никто не помнит: мама заставила отца закончить заочно институт, или сам он принял такое решение. Об этом всегда спорили на семейных застольях, как и о том, кто кого пригласил танцевать на новогоднем балу в ДК строителей, где они познакомились.

Образование пригодилось отцу. Умный и добросовест-

ный, он не спеша поднимался по служебной лестнице и карьеру закончил начальником транспортного цеха одного из подразделений «Светланы». Что такое «Светлана» в семидесятых-восемидесятых годах, никому в Ленинграде объяснить не надо. Маму его карьера не вдохновляла. «Слушал бы умных людей...» – ворчала изредка. Но отец бросал на нее строгий взгляд, и она умолкала. В конце концов, транспорт – прибыльное дело.

Колиным воспитанием занималась мама. Учила правильно вести себя на людях. Не выпячиваться. Соблюдать свой интерес. Он сначала не понимал, как это? Потихоньку освоил: думать надо, прежде чем говорить. Мама разрешала идти погулять, давала карманные деньги. Родительские собрания тоже посещала она. Отца не принято было тревожить по пустякам. И все же не мать заложила основы калмычковского мировоззрения.

Случилось это так. Пятый класс начался для Коли с неприятностей. Большие мальчишки: шести-семиклассники, распространили на него свой террор с вымоганием мелочи. Раньше обходилось, а в этом году прямо с первого сентября подвалили втроем и давай выворачивать карманы.

Он сопротивлялся, пытался вырваться, но справиться с тремя лбами, каждый из которых в одиночку легко побил бы его, не мог. Возня пацанам понравилась. Такой строптивый еще не попадался! Через пару недель они оставили в покое свои «вялые» жертвы, а на него объявили ежедневную охо-

ту. Все меньше времени уделяли отбору денег. Поглумиться, повыкручивать руки. Или двое держат, а один бьет под дых.

Мать плакала, обрабатывая его синяки. Бегала в школу, называла фамилии вымогателей – ничего не менялось. Только били сильнее.

Отец терпел. И синяки, и материны упреки. Как-то вечером, перед сном, он присел на краешек Колиной кровати. «Почему они бьют тебя?» – спросил, поправляя одеяло. Коля пожал плечами. «Потому, что они сильнее. Остальное несущественно. И прекратить это можно, только став сильнее их. Если придумаешь как, начнут бояться и уважать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.